

A movie poster for the film 'The Glass Garden' (Сад под стеклом). The scene is set inside a large, arched glass conservatory. In the foreground, a woman with dark, curly hair, wearing a dark, worn leather jacket and a utility belt with several pistols, looks off to the side. In the background, a man in a dark coat stands near a fountain, looking at a small device. The conservatory is filled with various plants, including roses and a large, ornate glass globe containing a small, dark, winged creature. The sky outside is a dramatic, orange-hued sunset or sunrise, with a cityscape visible through the glass walls. The title 'САД ПОД СТЕКЛОМ' is written in large, white, serif capital letters at the top. The name 'СОФИЯ РЕЧНАЯ' is written in white, serif capital letters at the bottom.

САД ПОД СТЕКЛОМ

СОФИЯ РЕЧНАЯ

София Речная

Сад под стеклом

<https://litres.ru/74422742>

SelfPub; 2026

Аннотация

Архитектор живых оранжерей Таис Ветра возвращается в Лиор после смерти матери и наследует городской купол — вечный сад, защищающий семь ярусов от ядовитых дождей. Но безупречное цветение питается не светом: редкий сорт тайно извлекает непрожитое горе жителей, лишая их способности понять собственную утрату.

Инспектор погоды Кален Рой требует остановить рост, пока накопленное давление не превратило стекло в смертельную бурю. Чтобы спасти город, Таис придётся раскрыть семейное наследство, отказаться от удобной власти над садом и построить систему, где ни любовь, ни страх, ни общее благо не дают права решать за другого.

«Сад под стеклом» — романтическое фэнтези о памяти, границах заботы и мужестве позволить живому увядать, чтобы оно могло вырасти снова.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Возвращение под купол	5
Глава 2. Инспектор дождя	20
Глава 3. Цветок без печали	33
Глава 4. Материнский сорт	47
Глава 5. Сестра у могилы	60
Глава 6. Кольца на стекле	78
Глава 7. Ночная проба	96
Глава 8. Каталог утрат	113
Конец ознакомительного фрагмента.	117

София Речная

Сад под стеклом

От автора

Мы часто называем заботой желание как можно скорее прекратить чужую боль. Но некоторые переживания нельзя убрать, не отняв вместе с ними часть человеческой истории. Эта книга выросла из вопроса: можно ли построить безопасное место, которое не требует от людей быть всегда спокойными, благодарными и цветущими?

«Сад под стеклом» — фантастическая история, а не руководство по проживанию утраты. Её мир устроен по собственным магическим законам. Однако выборы героев узнаваемы: сказать правду о цене общего благополучия, позволить близкому человеку чувствовать иначе и признать предел даже хорошего дела.

Сад в этом романе не обещает вечной весны. Он учится увядать, чтобы однажды снова вырасти.

Глава 1. Возвращение под купол

Лиор показался из дождя не городом, а огромным фонарём, забытым посреди серой равнины.

Стеклянный купол поднимался над каменными террасами семью плавными уступами. По его рёбрам бежал тёплый свет, и сквозь мутные потоки снаружи Таис различала кроны верхнего сада. Там всегда цвели медовые магнолии — даже сейчас, в пору горьких дождей, когда за окнами дорожного вагона ветер катал по земле белёсую минеральную пыль.

В детстве этот свет означал дом. Теперь он означал, что она опоздала.

Похороны закончились два дня назад.

— Приготовьте жетоны памяти, — объявила проводница. — Внешний шлюз принимает по одному пассажиру. Не касайтесь мокрого стекла и не задерживайтесь между створками.

Люди зашевелились, доставая из карманов круглые медные пластинки. Таис нащупала свою — старую, потемневшую, с выбитой веткой папоротника. Жетон матери. Ида вложила его в конверт вместе с короткой запиской: «Твой городской аннулирован. Этот всё ещё помнит тебя».

Ни слова о том, как прошёл обряд. Ни упрёка. От этого было хуже.

Вагон остановился под навесом внешнего шлюза. Дождь

бил по крыше сухо, будто сыпались горсти костяных бусин. Составитель маршрута обещал Таис прибытие утром, но трижды задерживал поезд в защитных башнях: на равнине поднялся новый фронт. За время пути она успела придумать десяток речей для сестры и отвергнуть все.

У первой створки дежурный принял жетон щипцами, приложил к зелёному глазку замка. По меди прошла светлая жилка.

— Таис Ветры, — прочитал он. Его взгляд метнулся к дорожной сумке, к лицу Таис и задержался на траурной булавке у её воротника. — Архитектор?

— Была зарегистрирована как ученица.

— Система знает вас иначе.

Он вернул жетон, но объяснять не стал. За спиной уже нетерпеливо переступали люди.

Внутренняя дверь распахнулась. Таис вошла в узкий стеклянный коридор и на миг оказалась между двумя погодями. Снаружи по куполу ползли дымчатые потёки дождя. Из города на неё дышало влажным теплом, землёй и цветущей мятой. В горле защипало так резко, что пришлось остановиться.

На стене шлюза рос памятный плющ. Пассажиры по очереди клали ладони на его листья и называли то, что привезли домой: вкус первого яблока, голос дочери, прохладу реки. Названное воспоминание загоралось в жилках, но не исчезало. Плющ брал лишь отклик — ровно столько, сколько

человек соглашался отдать.

Когда подошла очередь Таис, лист под её пальцами остался холодным.

Она могла бы назвать последнюю встречу с матерью. Адель стояла у чертёжного стола, поправляла серебряную сетку на волосах и говорила, что вечница спасёт нижние ярусы от зимнего затемнения. Таис отвечала, что корни сорта слишком быстро учатся обходить ограничители. Они спорили до закрытия мастерской. Потом мать сказала: «Ты всегда видишь, что может сломаться, и никогда — что благодаря этому успеет вырасти».

Таис уехала на рассвете и шесть лет строила оранжереи в городах, где растения не умели подслушивать человеческое сердце.

Она убрала руку.

— Ничего, — сказала она дежурному.

Плющ дрогнул, словно от сквозняка. Один лист всё же вспыхнул бледно-золотым и тут же погас.

Дежурный нахмурился, но очередь вынесла Таис из шлюза прежде, чем он успел её задержать.

Под куполом не было ни дождя, ни осени.

Семь городских ярусов спускались к центральной оранжерее широкими зелёными кольцами. Между домами висели мостики, оплетённые хмелем; по водосборным желобам текла чистая вода; на балконах теснились цветы, которым полагось спать до весны. Жители шли без плащей. Дети запус-

кали бумажных птиц в поток тёплого воздуха. Над площадями кружили садовые светляки.

И всё же город встретил Таис неправильной тишиной.

Она поняла это не сразу. Уличные торговцы зазывали покупателей, звякали трамвайные колокольцы, где-то на верхней террасе репетировал медный квартет. Но растения, обычно отвечавшие на голоса шелестом, молчали. Даже чуткие к людскому настроению колокольчики вдоль перрона стояли неподвижно.

Таис присела возле клумбы. Земля была тёплой, влажной, удобренной по всем правилам. Между листьями пробивались молочно-белые цветки, которых прежде здесь не было. Пять плотных лепестков, прозрачный край, сердцевина без тычинок.

Вечница.

Сорт матери разросся от центрального сада до самого шлюза.

— Госпожа Ветры?

У трамвайного столба ждала Мора Лейн, старшая садовница купола. За шесть лет она стала ниже, будто тяжёлый узел седых волос тянул её к земле. Зелёный рабочий передник был безупречно чист, только под ногтями остались чёрные полосы почвы.

Таис поднялась.

— Ида не пришла.

Это прозвучало обвинением, хотя виновата была не Ида.

— Она в погребальном саду. — Мора протянула руку, но вместо объятия взяла дорожную сумку. — Я сказала, что встречу тебя.

— Почему вы не дождались меня с обрядом?

— Ждали сутки. Потом корни начали принимать тело за источник питания.

Мора произнесла это профессионально и мягко. От мягкости слова не стали менее жестокими.

Таис посмотрела на белые цветы у своих ботинок.

— Вечница уже у внешнего кольца.

— Она хорошо держит свет.

— Я вижу, что она держит. Кто разрешил высадку за пределами центральной оранжереи?

— Совет. Твоя мать. Полгорода, когда прошлой зимой купол потерял три световых сектора.

— Ограничители рассчитаны на закрытые гряды.

— Ты только вошла, Таис.

— А корни не ждали, пока я войду.

Мора устало прикрыла глаза. Когда-то она учила обеих сестёр различать болезни сада по запаху среза и утверждала, что раздражение — плохой увеличительный прибор. Рядом с ней Таис снова почувствовала себя девочкой, которая нашла плесень на драгоценном саженце и слишком торопится доказать свою правоту.

— Сначала домой, — сказала садовница. — Потом мастерская. Адель оставила распоряжение.

— Какое?

— В мастерской.

Трамвай поднял их к четвёртому ярусу. Чем ближе была центральная оранжерея, тем чаще Таис замечала вечницу. Белые пятна тянулись вдоль путей, покрывали крыши остановок, выбивались из трещин подпорных стен. Город словно засыпало снегом, который пах мёдом и нагретым стеклом.

Пассажиры узнавали Мору и уступали ей место. Таис тоже узнавали. Несколько человек кивнули ей с той особой торжественной приветливостью, которую берегут для семьи недавно умершего. Пожилая женщина с корзиной груш коснулась её рукава.

— Ваша мама дала нам свет, — сказала она. — Мы её не забудем.

Таис поблагодарила. Женщина улыбнулась — чисто, открыто, почти радостно — и отвернулась к окну.

На её корзине цвела веточка вечницы.

Дом Ветров стоял на границе жилого квартала и старого питомника. Когда сёстры были маленькими, в кухонное окно каждую весну стучались ветки слив. Теперь двор накрывала отдельная стеклянная крыша, а вместо слив росли ровные белые кусты.

Ключ матери легко повернулся в замке.

Внутри не было следов смерти — и почти не осталось следов жизни. Чашки вымыты и перевёрнуты. Плед сложен на подлокотнике. В вазе стоят свежие ветки вечницы. Кто-то

старательно убрал всё, что могло сообщить: хозяйка вышла и уже не вернётся.

— Ида здесь не живёт? — спросила Таис.

— Она переехала в нижний сад ещё весной.

— Мама не написала.

— А ты спрашивала?

Мора поставила сумку у лестницы. Вопрос лёг между ними без злости, и ответить на него было нечем.

— Распоряжение, — напомнила Таис.

— Ты можешь хотя бы снять пальто.

— Под куполом тридцать градусов. Если я сниму пальто, это не сделает разговор менее неприятным.

На этот раз Мора почти улыбнулась.

Они прошли через двор в мастерскую. Дверь была опечатана зелёным воском Совета. Поверх печати тянулась свежая царапина, будто кто-то пытался поддеть её ногтем, но не решился сломать.

Мора приложила к воску свой служебный жетон. Печать распалась сухими чешуйками.

Запах встретил Таис раньше света: льняное масло, мокрые верёвки, пыль семян. Вдоль стен висели материнские инструменты. На чертёжном столе лежал незаконченный план центральной оранжереи, прижатый четырьмя стеклянными грузами. Красные корневые линии на нём расходились далеко за отмеченные гряды.

Таис подошла ближе.

— Это новый проект сети?

— Действующая сеть.

— Не может быть.

Она склонилась над планом. Пунктир показывал питание купольных рёбер, сплошные линии — основные корневища вечницы. На четвёртом ярусе они срастались. На пятом уходили в жилые стены. Под центральным садом несколько линий были затёрты ножом до дыр.

— Кто правил чертёж?

— Адель.

— Зачем связывать сорт с несущим стеклом? Она сама учила нас держать живые системы отдельно.

— После затемнения требовалось быстрое решение.

— Быстрое — не значит необратимое.

Мора отвернулась к шкафу с семенами.

Таис провела пальцем над красной линией, не касаясь бумаги. Та же привычка — сперва видеть узел, потом остальное. Мать ругала её за это, а заказчики в других городах платили именно за него.

В правом углу чертежа стоял знак авторской привязки: две переплетённые ветви, внутри инициалы А. В. Ни один корневой архитектор не ставил его на завершённой системе без крайней необходимости. Такая привязка позволяла живому проекту узнавать решения создателя, но после его смерти должна была распасться.

Знак светился.

— Мора.

— Я вижу.

— Авторская связь активна.

— Поэтому распоряжение касается тебя.

Садовница достала из шкафа плоскую шкатулку. Замок на ней был устроен в форме папоротникового листа, точь-в-точь как на медном жетоне Таис.

Жетон вошёл в паз.

Крышка открылась. Внутри на чёрной ткани лежало семя вечницы — прозрачное, величиной с фалангу пальца. В его глубине плавала тёмная капля. Таис наклонилась, и капля дёрнулась к ней, будто узнала.

По стеклу мастерской прошёл тихий звон.

Снаружи разом повернулись белые цветы. Сотни венчиков прижались к окнам.

Таис отступила.

— Закрой.

Мора захлопнула шкатулку. Цветы остались обращены к мастерской.

— Что она сделала?

— Не знаю.

— Вы были её старшей садовницей.

— И всё равно не знаю всего.

Это признание напугало Таис сильнее, чем светящийся знак. Мора знала каждый корневой ход Лиора, каждую прививку, каждое имя, которое сад принимал в дни памяти. Ес-

ли Адель скрывала работу даже от неё, значит, либо не доверяла никому, либо сама перестала доверять тому, что создала.

В дверь мастерской ударили трижды — мерно, металлическим кольцом.

Мора побледнела.

— Ты кого-то ждёшь? — спросила Таис.

— Совет обещал дать тебе день.

За дверь ударили снова.

На пороге стояли двое в серых непромокаемых плащах. Первый держал узкий футляр с печатью городского Совета. Второй был без головного убора, и в тёмных волосах блестели капли — не вода, а прозрачная защитная соль. Высокий, усталый, с резкой складкой между бровей. Он смотрел не на Таис, а на стеклянную крышу двора.

— Архитектор Ветры? — спросил человек с футляром.

— Да.

Слово вышло прежде, чем она успела решить, имеет ли право так называться в этом городе.

— Сай Орн Васс, глава Совета купола. Примите соболезнования. — Мужчина раскрыл футляр. — И уведомление о вступлении в наследственное управление проектом «Вечница».

— Я ничего не принимала.

— Ваш жетон только что подтвердил авторскую преемственность.

Таис оглянулась на шкатулку. Мора опустила глаза.

— Медный ключ не может передать патент.

— Обычный — нет. Но госпожа Адель Ветры зарегистрировала условие шесть лет назад. При возвращении прямой наследницы система признаёт её соавтором действующей корневой сети.

— Без согласия наследницы?

— Согласие можно оспорить. После сезона дождей.

— Удобно.

Орн Васс выдержал её взгляд. Он был старше, чем казался издали: у глаз залегли тонкие морщины, серебро в бороде тщательно подстрижено. Лицо человека, который научился произносить неприятное так, будто вручает награду.

— Лиор обязан вашей семье жизнью, — сказал он. — Мы не хотели тревожить вас сегодня. Однако возникло обстоятельство.

Молчавший мужчина в сером плаще наконец отвёл взгляд от крыши. Его глаза оказались светлыми, почти бесцветными.

— Не обстоятельство, — сказал он. — Нарушение.

— Инспектор Рой склонен выбирать строгие слова, — заметил Орн.

— Строгие створки полезнее строгих слов. А створки третьего сектора не открылись на проверке.

Кален Рой вошёл во двор без приглашения и остановился возле ближайшей белой гряды. Он не касался растений. Из

внутреннего кармана плаща достал тонкую стеклянную иглу и поднял к свету. Внутри иглы дрожала серебристая нить.

— Давление? — спросила Таис.

Он впервые посмотрел прямо на неё.

— Вы умеете читать погодную нить?

— Я проектировала ветровые оранжереи в Наре.

— Тогда сами скажите.

Он протянул иглу. Таис взяла её за тёплую рукоять. Серебристая нить должна была изгибаться к наружной стенке, показывая давление дождя на купол. Вместо этого она свернулась петлёй и тянулась внутрь, к корням вечницы.

Такого не могло быть. Сад не создавал погоду. Он лишь перерабатывал свет и названные воспоминания, отдавая тепло стеклу.

— Прибор повреждён, — сказала Мора.

— Я разбил два повреждённых, — ответил Кален. — Этот третий.

Таис медленно повернула иглу. Нить неизменно склонялась к белым цветам.

— Когда началось?

— Первое обратное кольцо я нашёл девятнадцать дней назад. Вчера их было семь. Сегодня — девять.

— На каких рёбрах?

— На всех, связанных с центральным садом.

Орн закрыл футляр резче, чем требовалось.

— Инспектор преувеличивает значение предварительных

замеров. Совет назначил совместную проверку на завтра.

— Совет назначал её трижды, — сказал Кален. — Завтра я опечатаю питающие гряды.

Мора шагнула между ним и вечницей.

— Остановите их сейчас — нижние ярусы останутся без света.

— Не останавлию — город может остаться без купола.

Белые цветы у ног инспектора раскрылись шире. Их сердцевины были пусты, но Таис почувствовала знакомый холод, тот же, что у памятного плюща в шлюзе. Только плющ просил назвать воспоминание. Вечница не просила ничего.

Кален заметил движение венчиков и отступил за каменную кромку гряды.

— Вы её боитесь, — сказала Таис.

— Я боюсь систем, которые требуют доверия вместо доступа к измерениям.

— Тогда у нас есть хоть что-то общее.

В его лице ничего не изменилось, но взгляд задержался на ней на удар сердца дольше.

Таис вернула иглу.

— Мне нужны планы купола за последние шесть лет, журналы питания, протоколы открывания створок и все ваши замеры.

— Мне нужно закрыть сад.

— Вы его закроете — и потеряете единственный видимый симптом. К тому же корни уже в несущем стекле. Слепая

остановка может вызвать скачок.

— Вы осмотрели один чертёж.

— И один прибор. Этого достаточно, чтобы не рубить сеть вслепую.

— А чтобы оставить её включённой?

— Нет.

Ответ, кажется, удивил его. Орн улыбнулся, словно услышал начало нужного ему соглашения.

— Прекрасно. До совместной проверки проект остаётся в текущем режиме. Госпожа Ветры получает доступ к архивам как наследный архитектор. Инспектор Рой предоставляет данные и воздерживается от односторонних действий.

— Я не давал такого обещания, — сказал Кален.

— Вы подчиняетесь Совету.

— В вопросах погоды я подчиняюсь показаниям стекла.

Снаружи, высоко над домом, раздался протяжный треск. Все четверо подняли головы.

По внутренней поверхности купола пробежала тонкая тёмная полоса. Она возникла над центральной оранжереей и на миг разделила золотой свет пополам. Бумажные птицы над площадью качнулись. Где-то закричал ребёнок.

Потом полоса исчезла, будто стекло сомкнулось над раной.

Только кольцевой след остался мутнеть под самым верхним ребром.

Десятый, подумала Таис.

У её ног вечница начала распускаться. Один цветок, другой, сотни сразу — без солнца, без звона, без названного воспоминания.

Из закрытой шкатулки донёсся едва слышный стук.
Словно тёмное семя просилось наружу.

Глава 2. Инспектор дождя

В шесть утра купол прозвенел десять раз.

Таис не спала. Она сидела за материнским чертёжным столом, завернувшись в старый рабочий халат, и отмечала на копии плана корни, до которых могла добраться без вскрытия улиц. Каждый удар приходил сверху и расходился по живому стеклу дрожью. В детстве утренний звон означал смену полива. Теперь десятый удар запаздывал на полсекунды и отзывался в зубах.

Шкатулку она поставила на дальнюю полку и прижала медной гирей. После ухода Совета семя больше не стучало, но тёмная капля внутри иногда перемещалась к ближайшей стенке, следуя за Таис по комнате.

Мора ночевать не осталась. Она ушла проверять центральные гряды, взяв обещание не открывать шкатулку в одиночку. Ида не ответила ни на одно из трёх посланий.

Ровно после десятого удара в дверь мастерской постучал Кален Рой.

Он пришёл без Орна и без церемоний. Серый плащ был застёгнут до горла, под мышкой он держал тубус с планами, в другой руке — деревянный ящик с измерительными иглами.

— Проверка назначена на восемь, — сказала Таис.

— Советом. Дождь расписания не получал.

— А вежливость получила?

— Она отказалась работать до завтрака.

Таис оглянулась на пустую кухню. В доме нашёлся чай, но хлеб зачерствел, а груши из корзины пожилой пассажирки существовали только в её воспоминании.

— Тогда придётся обойтись без неё.

Он вошёл, остановился на пороге мастерской и посмотрел на красные пометки Таис.

— Вы начали без журналов.

— Вы принесли их с собой?

Кален положил тубус на стол. Внутри оказались не журналы, а семь свёрнутых полос живого стекла. Каждая была тонкой, как луковая кожица, и несла мутные кольца давления.

— Срезы с рёбер купола, — сказал он. — Первое, третье, пятое, восьмое, тринадцатое, двадцать первое и тридцать четвёртое сутки обратного хода.

— Вчера вы говорили о девятнадцати днях.

— Первое заметное кольцо возникло тогда. Срезы показывают, что процесс начался раньше.

— На тридцать четвёртые сутки мать была жива.

— Поэтому я и пришёл до восьми.

Таис разложила полосы по столу. В обычном стекле кольца внешнего давления выглядели как тонкие дуги, обращённые выпуклостью к городу. Здесь три первых слоя были нормальными, затем рисунок раздваивался. Одна дуга принимала дождь снаружи, другая выгибалась ей навстречу изнутри. Между ними оставалась прозрачная полость.

— Карман, — сказала Таис.

— Я называю его линзой.

— Линза должна что-то фокусировать. Пока это карман.

— Он фокусирует напряжение.

— Докажите.

Кален вынул из ящика две иглы и короткую вилку камертона. Одну иглу положил поперёк раннего среза, другую — на самый свежий. Ударил вилкой о край стола.

Первая игла тихо завибрировала. Вторая подпрыгнула и развернулась остриём к центральной оранжерее.

— Доказал, — сказал он.

— Показали корреляцию.

— Вы всегда спорите с человеком, который принёс вам плохую новость?

— Только если он пытается выдать наблюдение за объяснение.

Кален убрал камертон. Угол его рта едва заметно дёрнулся — не улыбка, скорее признание удачного удара.

— Тогда объясняйте вы.

Таис взяла самый свежий срез и поднесла к окну. В расцветном свете полость между дугами стала дымчато-розовой. Тот же оттенок она видела на прозрачном семени, когда тёмная капля внутри приблизилась к стеклу.

— Корневое питание меняет структуру купола, — сказала она. — Вечница не просто отдаёт тепло. Она выращивает второй слой изнутри.

— Зачем?

— Растениям не нужно «зачем». Им нужно преимущество.

— Вы говорите о сорте как о сорняке.

— Любой сад становится сорняком, если забыть границы.

Снаружи по двору прошла волна шелеста. Белые венчики повернулись к окну, за которым стояла Таис. Она опустила срез.

Кален проследил за движением цветов.

— Вчера они следили за шкатулкой. Сегодня за вами.

— Авторская связь.

— Наследственная власть над садом?

— Не власть. Скорее право подписи, которое система принимает за согласие продолжать проект.

— Вы согласны?

— Нет.

— Однако сеть включена.

— Потому что вы не дали мне времени понять, как её отключить.

— У вас было шесть лет.

Слова прозвучали спокойно. Таис всё равно ощутила их как пощёчину.

— Шесть лет у меня не было доступа к материнским журналам.

— Шесть лет у вас был адрес.

— Вы погодный инспектор или семейный судья?

— Сегодня мне всё равно, почему архитектор бросил сеть без надзора. Мне важно, что она вернулась в день, когда сеть начала гнуть купол наружу.

Таис поставила срез на стол слишком резко. Тонкое стекло звякнуло.

— Я не проектировала вечницу.

— Ваша подпись теперь на корнях.

— Не по моей воле.

— Давлению безразлична ваша воля.

Вот почему он раздражал её сильнее Орна. Глава Совета прятал нажим в любезности, и сопротивляться ему было просто. Кален не прятал ничего. Он отсекал всё, что не мог измерить, и называл остаток правдой.

Таис свернула копию плана.

— Идёмте.

— Куда?

— К третьему сектору. Я хочу увидеть створки, прежде чем вы их опечатаете.

— Совет назначил проверку на восемь.

— Дождь расписания не получал.

Теперь он действительно улыбнулся — коротко и против воли.

Они вышли через заднюю калитку питомника. Город просыпался в золотистом пару: открывались лавки, служители памяти поливали общественные клумбы, первые трамваи ползли к нижним ярусам. На перекрёстках висели празднич-

ные ленты с вышитым белым цветком. «Год вечного света», прочитала Таис.

— Праздник через девять дней, — пояснил Кален, заметив её взгляд. — Совет собирается показать делегациям полное цветение всех семи ярусов.

— В сезон дождей. Когда растения должны замедляться.

— Поэтому им и нравится.

— А вам?

— Я предпочитаю праздники, после которых крыша остаётся на месте.

К третьему сектору вела служебная лестница вдоль внутреннего ребра купола. У входа Кален передал ей страховочный пояс и пару перчаток с серебряной пропиткой.

— Мокрое стекло обжигает, — сказал он.

— Я родилась под этим куполом.

— А шесть лет работали там, где дождь пресный.

Таис надела перчатки.

Лестница поднималась над крышами. С каждым пролётом воздух становился прохладнее, запах цветов слабел, а стук дождя усиливался. Внизу Лиор раскрывался зелёной чашей. Белая вечница уже образовала связную сеть: от центральной оранжереи по улицам, фасадам и мостам расходились бледные нити. С высоты они напоминали корни, проросшие сквозь весь город.

— Когда она распространилась так далеко? — спросила Таис.

— За последние восемь месяцев. После смерти людей стали приносить в сад больше воспоминаний.

— После чьей смерти?

Кален помолчал.

— Вашей матери.

Таис остановилась на площадке.

— Адель умерла пять дней назад.

— Я говорю не о ней.

Он смотрел вниз, на нижние ярусы. Там среди белых крыш темнел маленький участок, где не цвело ничего.

— Чьей?

— Это не относится к проверке.

— Вы только что обвиняли меня в том, что я отделяю личное от состояния системы.

— Я обвинял вас в отсутствии.

— Точная формулировка делает грубость научной?

— Нет. Только точной.

Он продолжил подъём. Таис пошла следом, сердясь на него за отказ и на себя — за желание узнать.

Третья створка была высотой с двухэтажный дом. Вдоль её края росли гибкие корневые уплотнители, соединённые с подъёмным механизмом. По правилам створка должна была приоткрываться каждую ночь, выпуская лишнее тепло в защищённый водосборный карман. Сейчас медные рычаги стояли в открытом положении, но стеклянные створы не расходились.

Между ними проросла вечница.

Не цветы — полупрозрачная ткань из переплетённых корешков, похожая на рубец.

Таис опустилась перед уплотнителем. Корни пульсировали в ритме купольного звона.

— Она залечила створку, — сказала Таис.

— Запечатала.

— Для растения трещина и дверь выглядят одинаково: нарушение целостности среды.

— Значит, она запечатает все двери.

— Если решит, что открывание угрожает колонии.

Кален достал нож для проб и протянул ей.

— Режьте.

— Почему я?

— Авторская связь. Посмотрим, позволит ли сад вам взять образец.

Таис провела лезвием по краю корневой ткани. Из разреза выступила прозрачная капля. Корни сжались, но не ударили и не оплели руку. Она срезала тонкую полоску, положила в стеклянную чашку.

Капля на срезе потемнела.

Перед глазами Таис вспыхнула чужая комната. Мужчина сидел у кровати, держал чью-то неподвижную ладонь и повторял: «Я готов, я готов, я готов», хотя не был готов. Видение длилось меньше вдоха. Потом осталось только ощущение сухого горла и стыда за облегчение, которое так и не

пришло.

Таис отшатнулась. Страховочная верёвка натянулась, удерживая её у края площадки.

Кален схватил её за локоть поверх ткани халата.

— Что случилось?

Она смотрела на тёмную каплю. Та снова стала прозрачной.

— Вы видели? — спросила Таис.

— Только то, как вы чуть не упали.

— Там было воспоминание.

Его рука всё ещё держала её. Хватка была крепкой, но не сдавливала. Убедившись, что Таис стоит устойчиво, Кален сразу отпустил.

— Чьё?

— Не знаю. Мужчина у постели умирающего человека. Возможно, женщины. Он говорил, что готов.

— К чему?

— Отпустить. Но в воспоминании было не это. Там было... — Она поискала слово. — Незавершённость.

— Растения питаются воспоминаниями.

— Названными. Добровольными. И они не должны хранить саму сцену.

Кален присел рядом, не касаясь образца.

— Что хранится здесь?

— Не знаю.

— Вы снова это говорите.

— Потому что это честнее, чем выдать наблюдение за объяснение.

Он принял укол без ответа. Таис заметила, как побелели его пальцы на рукояти ящика.

— Что вы почувствовали? — спросил он.

— Я сказала.

— Вы описали сцену.

— Стыд. Усталость. Желание, чтобы всё закончилось, и ужас от собственного желания.

Кален отвернулся к дождю. По наружной стороне купола текли густые серые струи. За ними мир исчезал в пыли.

— Образец печатаем, — сказал он. — Никому не передаём без записи.

— Согласна.

— И останавливаем грядущее.

— Нет.

Он резко повернулся.

— Вы только что получили чужое воспоминание из корня.

— Поэтому нельзя уничтожать сеть, пока мы не поймём, что произойдёт с тем, что она хранит.

— Каждый час сеть создаёт новые кольца.

— А если при обрыве она выбросит содержимое сразу? Во всех, кто связан с садом? В стекло? В дождь?

— Это догадки.

— Как и ваша уверенность, что остановка безопасна.

— Безопасных вариантов уже нет.

Таис знала этот тон. Так говорили руководители аварийных работ, когда хотели сузить мир до двух рычагов: оставить или сломать. Её профессия начиналась там, где оба рычага вели к беде.

Она подняла чашку к свету. Корневая полоска внутри медленно сворачивалась вокруг тёмной капли.

— Дайте мне четыре часа, — сказала она. — Я найду узел, через который вечница связана с рёбрами, и отделию питание от содержимого.

— Нет.

— Тогда сколько?

— Нисколько. В восемь я требую полной остановки роста.

— Совет не согласится перед праздником.

— Мне не нужно согласие Совета для аварийного предписания.

— Тогда зачем вы принесли срезы мне?

Вопрос заставил его замолчать.

Внизу зазвонили трамваи. Город входил в обычный день, не зная, что одна из его дверей уже стала рубцом.

— Потому что ваша мать отказывалась признавать показания, — наконец сказал Кален. — А после её смерти сеть признала вас. Если я опечатаю гряды против авторской связи, корни могут сопротивляться.

— Значит, вам нужна не моя экспертиза. Вам нужна моя подпись.

— Мне нужно, чтобы купол пережил дождь.

— Ценой чего?

— Вы предпочитаете цену не называть?

Таис сжала чашку так сильно, что серебряная перчатка закрипела по стеклу.

— Не смейте делать из меня мать.

Кален выдержал её взгляд.

— Тогда не повторяйте её решение.

Снаружи ударил особенно сильный порыв. Купол прогнулся — не видимо, но всем телом Таис почувствовала перемену. Корневой рубец на створке вздулся. Из него выстрелила белая нить и обвилась вокруг медного рычага.

Кален вскинул погодную иглу. Серебряная нить внутри прижалась к внутренней стенке.

— Ещё одно кольцо, — сказал он.

— Нет. Смотрите на частоту.

Таис приложила ладонь к безопасной кромке ребра. По стеклу шла дрожь: три коротких толчка, пауза, три коротких.

— Это не накопление. Сеть передаёт сигнал.

— Куда?

Она посмотрела вниз. По городу один за другим распустились белые цветы. Волна шла от третьей створки к центральной оранжерее, а оттуда — к дому Ветров.

К шкатулке.

— Назад, — сказала Таис.

Они спустились бегом.

На половине лестницы навстречу им поднялся служащий

Совета в зелёной перевязи.

— Инспектор Рой! Госпожа Ветры! Сай Орн требует вашего присутствия в центральной оранжерее.

— Через час, — бросил Кален.

— Немедленно. Во всех семи ярусах началось внеплановое цветение. Совет считает это благоприятным знаком к празднику.

— Совет умеет считать только то, что можно повесить на ленту, — сказал Кален.

Служащий сделал вид, что не услышал.

— И ещё... садовница Мора просила передать: шкатулка открылась.

Таис перехватила страховочную верёвку, чтобы не оступиться.

— Мора была у меня дома?

— Она сказала, что слышала звон. Когда вошла в мастерскую, семени уже не было.

Белая волна цветения достигла внешнего шлюза. На мгновение весь Лиор вспыхнул под куполом, прекрасный и неподвижный.

Кален посмотрел на Таис.

— Восемь утра, — сказал он. — Я останавливаю рост.

До городского звона оставалось сорок три минуты.

Глава 3. Цветок без печали

За сорок три минуты можно было перекрыть полив одного яруса, осмотреть три главных узла или убедить Совет не называть аварию чудом.

Найти семя, способное ползти по корням, за это время было нельзя.

Таис всё равно начала с мастерской.

Мора ждала у распахнутой двери, прижав к груди пустую шкатулку. Медная гиля лежала на полу. Замок не был сло-ман: две створки разошлись по ровному шву, словно кто-то изнутри нажал на пружину.

— Я услышала три удара, — сказала Мора. — Потом ещё три. Вошла сразу.

— Кто-нибудь был во дворе?

— Только цветы.

Кален прошёл мимо них, опустился возле стола и провёл измерительной иглой над древесиной. Серебряная нить по-вернулась к окну, затем к полу.

Таис сняла перчатку. На дне шкатулки остался влажный след — не сок, а тонкая прозрачная плёнка. От неё тянулась нитка через петлю, край полки и ножку стола. На полу она вошла в щель между плитами.

— Оно не убежало, — сказала Таис. — Его забрала сеть.

— Семя без корня не движется, — возразила Мора.

— Вчера не двигалось. Сегодня у него есть весь город вместо корня.

Таис коснулась щели двумя пальцами.

Холод поднялся по руке. На мгновение она увидела не комнату, а множество тёмных проходов, расходящихся под улицами. По одному из них скользило маленькое прозрачное тело. Внутри него билась капля, и каждый её удар вызывал ответ далеко впереди — там, где кто-то стоял среди белых цветов и не мог произнести единственное нужное слово.

Таис отдернула руку.

— Куда? — спросил Кален.

Она указала на восток.

— Пятый ярус. Возможно, общественный сад у лечебницы.

— «Возможно» не отменяет восьми часов.

— Если найдём источник реакции, у вас будет основание выбрать способ остановки, а не просто самый быстрый рычаг.

Кален посмотрел на карманные часы. Стрелка показывала двадцать две минуты восьмого.

— Двадцать минут, — сказал он. — Потом я отдаю приказ.

— Вы давали ноль.

— Не заставляйте меня сожалеть о росте щедрости.

Он первым вышел во двор. Мора поймала Таис за запястье.

— Не касайся больше голой рукой.

— Вы знали, что вечница хранит сцены?

Садовница отвела глаза к пустой шкатулке.

— Я знала, что иногда рядом с ней люди забывают пла-
кать.

— Это не ответ.

— Другого сейчас не будет.

Таис высвободила руку.

— Тогда приготовьте его к моему возвращению.

Они с Каленом добрались до пятого яруса на служебном трамвае. Белые венчики теснились у рельсов и раскрывались перед вагоном один за другим. Обычно вечница поворачивалась за солнцем. Теперь все цветы смотрели в одну сторону.

К лечебнице.

У входа толпились посетители. Внеплановое цветение выгнало из палат тех, кто мог ходить, и люди любовались садом, будто им подарили праздник. Дети собирали опавшие прозрачные чешуйки. Женщина в синем платке убеждала соседку, что белая вспышка — прощальный дар Адели Ветры городу.

Таис хотелось крикнуть, чтобы никто не трогал растения. Она удержалась: паника вытоптала бы гряды быстрее любой аварийной бригады.

Кален показал дежурному знак инспекции и велел закрыть боковые калитки.

— Никого не выпускать? — переспросил тот.

— Никого не впускать. Людей внутри отведите на каменную дорожку. Цветов не касаться.

Он произнёс это без повышения голоса, и спорить никто не стал. Таис отметила про себя, что его точность умела не только ранить.

Главная гряда окружала круглый пруд. Среди низких светлистников стояли старые памятные растения: розмарь первого дома, жёлтая ива погибших мостостроителей, куст мирта, которому школьники ежегодно рассказывали о первом страхе. Вечница проникла между ними тонкой белой порослью, но не подавила их. Она будто ждала.

В центре гряды стоял мужчина лет шестидесяти. На нём был тёмный праздничный сюртук, слишком широкий в плечах, и он держал горшок с нераскрывшимся голубым колокольцем.

Все белые цветы были обращены к нему.

— Господин, — позвал Кален. — Отойдите на дорожку.

Мужчина не ответил. Он смотрел на табличку перед горшком. Таис приблизилась настолько, чтобы прочитать имя: «Лея Дарн. Сорок два года совместных рассвета».

— Это ваша жена? — спросила она.

— Была, — сказал он после долгой паузы. — Теперь говорят: надо назвать память, и колокольчик раскроется.

— Кто говорит?

— Все. Служитель. Соседи. Дочь. Она выбрала цветок. Лея любила синий.

Он произносил слова правильно, но между ними не было связи. Как перечень предметов, найденных в чужом кармане.

— Когда она умерла?

— Двадцать девять дней назад.

Тёмная капля в срезе у третьей створки. Мужчина у постели повторял, что готов. Таис узнала сухие пальцы, обхватившие край горшка.

— Вас зовут Дарн?

— Риан Дарн.

Кален встал справа от Таис. Он тоже понял.

— Господин Дарн, — мягче сказала она, — вы уже приходили в сад после смерти жены?

— Каждый третий день. Служитель просил выбрать счастливую память. Их было много. Наверное.

— Назовите любую.

Риан поднял на неё глаза. В них не было ни слёз, ни злости — только вежливое недоумение человека, которого попросили вспомнить слово на незнакомом языке.

— Она любила синий, — повторил он.

— Это вы знаете. А что вы помните?

Мужчина открыл рот.

Корни под ногами Таис дрогнули.

— Утром был чай, — сказал Риан. — Иногда хлеб. Она сидела напротив.

— Как она держала чашку?

— Руками.

Первый белый бутон у его ботинка раскрылся.

Не к свету. Не к голосу. К паузе после ответа.

Таис подняла ладонь, останавливая Калена. Риан смотрел на голубой колокольчик и не замечал происходящего.

— Что вы хотели сказать ей в последний день? — спросила Таис.

— Я сказал всё положенное.

Раскрылся второй бутон.

— Не положенное. Своё.

— Какая теперь разница?

Белая поросль побежала по краю горшка. Голубой колокольчик качнулся, хотя воздуха под куполом не было.

Кален достал иглу. Серебряная нить внутри прибора указывала не на небо и не на центральную оранжерею — на грудь Риана.

— Таис, — тихо предупредил он.

Она видела. В прозрачных стеблях появлялись тёмные крупинки. Они двигались от земли к венчикам, собираясь в завязях.

— Риан, вам больно вспоминать жену?

Он нахмурился, словно вопрос был неприличным.

— Я должен скорбеть.

— Вы скорбите?

— Конечно.

— Что вы чувствуете сейчас?

Мужчина прижал горшок к животу.

— Ничего особенного.

Вся гряда раскрылась разом.

Белизна ударила по глазам. Из цветов поднялся запах холодного мёда, слишком сладкий для утра. Люди на дорожке ахнули. Кто-то захлопал, и этот звук показался Таис страшнее купольного звона.

Голубой колокольчик остался закрытым.

По его стеблю полз прозрачный корешок вечницы.

— Режем связь, — сказал Кален.

— Подожди.

— Она питается им у нас на глазах.

— Если оборвёшь сейчас, не знаешь, что останется у него.

— А если не оборву, знаю.

Он шагнул к гряде, но Таис заслонила горшок. Кален остановился так близко, что она увидела дождевую пыль на воротнике его плаща.

— Две минуты, — сказала она. — Не ему. Мне.

— Что вы собираетесь делать?

— Проверить, на что реагирует цветение.

Она обратилась к Риану:

— Я не буду просить вас отдать саду счастливую память. И не буду заставлять плакать. Скажите только, чего вы не смогли сказать Лее.

— Я не понимаю.

— В последний день вы повторяли, что готовы.

Его лицо впервые изменилось.

— Откуда вы знаете?

— Растение сохранило это.

— Нет.

— Сохранило без вашего разрешения.

Риан отступил. Горшок ударился о пуговицы сюртука.

— Я ничего не давал.

— Верю.

— Мне сказали, сад облегчит переход. Что Лея уйдёт спокойной, если в комнате будет вечница. Я только поставил вазу у кровати.

Тёмные крупинки в стеблях остановились.

— Что вы не сказали? — повторила Таис.

— Уберите это.

— Уберём. Но сначала мне нужно понять, что оно взяло.

— Вы хотите, чтобы я устроил представление перед всеми?

— Нет.

Таис повернулась к людям на дорожке.

— Освободите сад. Сейчас.

Дежурный замешкался, но Кален поднял знак инспекции.

— Вы слышали архитектора. В лечебницу или за ворота.

На этот раз в его голосе появилась сталь. Посетители двинулись к выходам, оглядываясь на белое море. Через минуту у пруда остались Риан, Таис, Кален и два служителя в дальнем проходе.

— Им тоже уйти, — сказал Риан.

Кален жестом отослал служителей.

— И вы, — потребовал Риан.

— Не могу, — ответил инспектор. — Это опасная зона. Но могу отойти так далеко, чтобы не слышать.

Он не посмотрел на Таис, ожидая решения Риана. Тот кивнул. Кален отошёл к калитке и повернулся спиной.

Таис присела возле горшка, чтобы не нависать над мужчиной.

— Вы не обязаны рассказывать мне всё. Только назовите чувство, которого сейчас нет.

Риан долго смотрел на закрытый колокольчик.

— Я сердился, — произнёс он наконец. — Она уходила, а я сердился на неё за это. Будто она нарочно оставляла мне лавку, долги, пустую постель. Я говорил, что готов, потому что хотел, чтобы она скорее перестала мучиться. И чтобы я перестал. Потом она умерла, а злости не стало. И любви... — Он сглотнул. — Я знаю, что любил её. Но это знание лежит во мне как запись в городской книге. Я не могу дойти до него.

Белые цветы начали поворачиваться к Таис.

Под кожей ладони отозвалась авторская связь — тонкое покалывание вдоль старого шрама. Сад предлагал принять недосказанное дальше, пропустить через неё, превратить в рост.

Она убрала руку за спину.

— Вечница забрала не вашу любовь, — сказала Таис. — Она взяла дорогу к ней. Боль, злость, вину — всё, через что

память становится вашей, а не записью. Поэтому вы знаете факты и не можете прожить их.

— Верните.

Одно слово прозвучало живее всего, что он говорил.

— Я пока не умею.

— Вы же Ветра.

— Именно поэтому не стану лгать.

У края пруда почва вспучилась. Из неё показался прозрачный кокон размером с лесной орех. Внутри билась тёмная капля. Пропавшее семя добралось до источника хранимого воспоминания.

Таис потянулась к нему щипцами из поясной сумки. Кокон отступил под землю. Белые корни обвили горшок.

Голубой стебель затрещал.

— Лея сама выбрала этот цветок? — спросила Таис.

— Дочь.

— А что выбрала бы Лея?

Риан зажмурился.

— Она не любила синий.

Закрытый бутон дрогнул.

— Вы сказали, любила.

— Так написала дочь. Лея говорила, что синий цвет — это небо, которое забыло дождь. Она любила обычную мяту. Ругалась, что я завариваю её слишком крепко.

В его голосе появилась шероховатость. Не слёзы — пока нет. Но память перестала быть гладкой записью.

Голубой колокольчик раскрылся. Лепестки оказались почти бесцветными. Корни вечницы отпрянули от горшка, а прозрачный кокон выскочил на поверхность.

Таис накрыла его стеклянной чашкой.

В ту же секунду по гряде прошёл обратный толчок. Белые цветы закрылись, один за другим, от пруда к калитке. Кален обернулся и побежал к ним.

— Он коснулся вас? — спросил он Таис.

— Нет.

— Господин Дарн?

Риан смотрел на бледный колокольчик.

— Я вспомнил неправильно, — сказал он.

— Не неправильно, — ответила Таис. — Без дороги между фактами. Не пытайтесь сейчас вернуть всё сразу. И не оставайтесь один.

Она позвала дежурного и потребовала найти дочь Риана и врача, знакомого с последствиями памятных ритуалов. Слово «врач» казалось недостаточным: никто не лечил людей от сада, который считался безопасным. Но оставлять Риана наедине с первой трещиной в оцепенении было нельзя.

Когда его увели, Кален опустил у чашки. Кокон бился о стекло в том же ритме: три толчка, пауза, три.

— Это было в образце со створки, — сказал он.

— Его последняя сцена с женой.

— Вы уверены?

— Он повторил те же слова. Ваза с вечницей стояла у кро-

вати. После смерти он перестал чувствовать путь к воспоминаниям, а сорт начал расти быстрее.

Кален взглянул на закрывшуюся гряду.

— Когда он назвал правду, рост прекратился.

— Не правду вообще. Конкретное противоречие, которое растение сгладило: он любил её и сердился, хотел удержать и хотел конца. Вечница питается не печалью как таковой. Она извлекает то, что человек не может или не решается прожить.

— Без согласия.

— Без понимания, на что соглашаются. Возможно, присутствие цветка считают согласием.

Часы лечебницы начали отбивать восемь.

На первом ударе Кален вынул из кармана бланк аварийного предписания.

На втором расправил его на бортике пруда.

На третьем Таис приготовилась заслонить гряду снова, хотя понимала: теперь это будет не спор специалистов, а нарушение закона.

На четвёртом он написал несколько строк.

На пятом поставил подпись.

— Что вы приказали? — спросила она.

— Запретить новые памятные ритуалы с вечницей. Перекрыть подачу питательного раствора в общественные гряды. Не резать несущие корни до изоляции содержащихся в них коконов.

— Это не полная остановка.

— Вы доказали, что полная остановка может повредить людям. И что бездействие им уже вредит.

Шестой удар прокатился по стеклу.

— Совет отменит ваш приказ, — сказала Таис.

— Попытается.

— Праздник через девять дней.

— Значит, у них будет девять дней, чтобы научиться праздновать закрытые цветы.

Он приложил к бумаге погодную печать. Красный воск потемнел, впитывая показание иглы.

Седьмой удар не закончился привычным звоном. Высоко над ними что-то хрустнуло. По куполу протянулось новое обратное кольцо — широкое, видимое даже с земли.

Кокон под чашкой замер.

Из центральной оранжереи донёсся усиленный рупором голос Орна Васса:

— Таис Ветра, наследный соавтор вечницы, немедленно явитесь на заседание Совета для принятия авторских полномочий.

Белые цветы снова повернулись к ней, не раскрываясь.

Кален сложил предписание и протянул копию Таис.

— Теперь им нужна ваша подпись больше, чем мне.

Она взяла бумагу. Под пальцами шевельнулась корневая сеть, узнавая новую хозяйку чужого молчания.

До этого утра Таис боялась, что сад погибнет, если она

ошибётся.

Теперь она знала: если сад продолжит жить прежним способом, ошибкой станет сам город.

Глава 4. Материнский сорт

Совет заседал в помещении, где ничто не могло увянуть.

Стол вырастили из живого стекла, кресла оплели серебряным мхом, а семь вечниц под высоким окном застыли в одинаковом раскрытии. Даже воздух здесь не двигался без разрешения: узкие створки открывали только по решению хранителя купола.

Таис вошла с чашкой, под которой лежал прозрачный кокон.

Разговоры прекратились.

Орн Васс сидел во главе стола. По правую руку от него лежала папка из зелёной кожи, по левую — аварийное предписание Калена. Красная печать уже была надломлена.

— Госпожа Ветра, — сказал Орн, — мы ожидали вас одну.

Кален закрыл дверь за собой.

— А я ожидал, что мои предписания будут исполнять до заседания, а не вскрывать ради обсуждения.

— Инспектор приглашён как докладчик, — ответил Орн.
— Не как сопровождающий.

— Я сопровождаю опасный образец.

Таис поставила чашку в центр стола. Члены Совета одновременно отодвинулись. Только Орн не шевельнулся, хотя его взгляд задержался на тёмной капле внутри кокона.

— Вот ваш благоприятный знак, — сказала Таис. — Он содержит часть последних часов Леи Дарн и то, чего её муж больше не способен чувствовать.

Женщина с цепью лечебного яруса подняла голову.

— Риан Дарн находится под наблюдением?

— Теперь да. До сегодняшнего утра его состояние принимали за спокойное завершение траура.

— Один случай ничего не доказывает, — сказал советник в лиловом воротнике.

— Один человек не становится допустимой погрешностью оттого, что вы предпочитаете множественное число.

Орн поднял ладонь, останавливая ответ.

— Именно поэтому Совет намерен предоставить вам все полномочия для исследования. А затем устранить обнаруженный недостаток.

Он подтолкнул к Таис зелёную папку.

На первой странице стояло имя Адели Ветры. Ниже — название сорта, регистрационный номер и две колонки авторской связи. В левой материнская подпись была перечёркнута чёрной траурной чертой. В правой уже значилось: «Таис Аделевна Ветра».

Её имя вписали до возвращения в город.

— Когда составлен этот документ? — спросила она.

— Условие перехода зарегистрировано шесть лет назад, — сказал Орн. — После смерти госпожи Адели оно вступило в силу автоматически.

— Авторство не наследуют как дом.

— Авторство — нет. Контур управления живым сортом

— да, если новый держатель указан создателем и распознан растением.

— Я не соглашалась.

— Закон требует согласия для пользования выгодами патента. Для принятия мер безопасности достаточно фактической связи.

Кален наклонился к документу.

— То есть ответственность уже её, а право отказаться появится после того, как она подпишет принятие?

— Право отказа существует всегда, — ответил Орн. — Но до передачи связи подходящему специалисту госпожа Ветра обязана не допустить вреда городу.

Ловушка была безупречной. Если Таис принимала полномочия, Совет получал наследницу, которой можно приписать дальнейшее цветение. Если отказывалась, любое повреждение купола становилось следствием её бездействия.

Мать не просто оставила ей сад. Она заранее закрыла дверь наружу.

— Почему я? — спросила Таис.

— Вы лучший доступный архитектор распределённых оранжерей.

— Почему не Ида?

На миг Орн посмотрел не на неё, а на семь неподвижных цветов у окна.

— В документе указаны вы.

— Значит, ответ вам известен не лучше моего.

Таис перелистнула страницы. Патент описывал вечницу как «сорт непрерывного светового питания, преобразующий избыток эмоциональной энергии в защитный рост». Слова были точными и пустыми. Ни горя. Ни коконов. Ни последствий для человека.

— Где приложения к испытаниям?

— В техническом архиве.

— Журналы материнской оранжереи?

— Опечатаны до назначения держателя.

— Реестр памятных посадок с вечницей?

— В ведении районов.

— Сводный реестр.

— Не создавался.

Таис посмотрела на женщину с цепью лечебного яруса.

— Сколько пациентов считались необычно спокойными после похоронного ритуала?

— Это не медицинский показатель.

— Сколько жаловались, что помнят близкого как перечень фактов?

— Такие обращения могли записывать как истощение.

— Значит, искать придётся и среди истощения.

Орн сложил руки.

— Вы получите разумный доступ после принятия полномочий.

— Нет. Я получу его как условие принятия.

— У нас нет времени торговаться.

— Тогда не торгуйтесь.

Она взяла чистый лист протокола и положила поверх папента.

— Записывайте. Первое: немедленный доступ к журналам Адели без изъятий. Второе: доступ к корневому архиву центральной оранжереи. Третье: единый список всех посадок вечницы, включая частные лечебные и памятные комнаты. Четвёртое: моё право приостанавливать питание отдельных гряд без дополнительного решения Совета. Пятое: ни один кокон не вскрывается, не уничтожается и не возвращается человеку до безопасной процедуры и осознанного согласия владельца.

— Владельца? — переспросил советник в лиловом. — Вы предлагаете считать выделения растения собственностью граждан?

— Я предлагаю считать человеческую память принадлежащей человеку.

— Это ещё не установлено как память.

Кален коснулся погодной иглы.

— Я видел совпадение сцены из корня с показаниями Риана Дарна. Для аварийного режима этого достаточно.

— Инспектор погоды не уполномочен толковать природу памяти.

— Зато уполномочен закрыть помещение, где неизвест-

ное вещество влияет на людей.

Орн повернул к нему надломленную печать.

— Ваш приказ перекрыл питание на пяти общественных грядках. В течение часа их корни начнут сбрасывать нагрузку на несущую сеть. Вы увеличили давление на купол.

— Давление росло при полном питании.

— А теперь может вырасти быстрее.

— Поэтому я запретил резать корни.

— Вы запретили единственный решительный способ.

— Решительный — не значит верный.

Таис слышала собственные вчерашние слова в его голосе. Не повторённые ей в угоду — принятые в расчёт. Это неожиданно согрело сильнее, чем следовало посреди аварийного заседания.

Она придвинула протокол к Орну.

— Шестое условие: аварийные решения подписывают двое — держатель авторской связи и инспектор погоды. Пока один из нас не докажет, что промедление опаснее единоличного действия.

Кален посмотрел на неё.

— Вы только что спорили против права одного человека решать за всех.

— Я спорю и сейчас. Двое — всё ещё недостаточно. Но больше, чем один, пока мы создадим независимую группу.

— А если мы не согласимся у створки, которая вот-вот лопнет?

— Тогда действует измеряемый порог давления, записанный заранее, а не наше настроение.

— Какой порог?

— Определим после доступа к журналам.

— Удобно.

— Безопасно.

На этот раз угол его рта не дрогнул. Но Кален взял перо и поставил короткую отметку рядом с шестым пунктом.

— Инспекция согласна обсуждать совместный протокол,
— сказал он.

— Инспекция не сторона патента, — заметил Орн.

— Зато дождь — сторона купола.

За окнами белые цветы шевельнулись. Кокон под чашкой ответил одним толчком.

Орн поднялся. Вблизи он казался старше, чем накануне: под глазами залегли серые тени, а праздничная цепь хранителя тянула воротник вниз.

— Город готовился к Году вечного света семь лет, — сказал он. — Вечница укрепила купол, снизила расходы тепла, дала нижним ярусам сады, которых у них не было. Вы вошли сюда после шести лет отсутствия и хотите остановить систему на основании разговора с одним вдовцом.

— Я хочу узнать её цену.

— Цена есть у любого городского устройства.

— Тогда почему её нет в патенте?

Он промолчал.

— Вы знали? — спросила Таис.

— Я знал о жалобах на эмоциональное истощение. Ваша мать считала их временной перестройкой после утраты.

— Она проводила повторные осмотры?

— Это увидите в журналах.

— Значит, принимает мои условия?

— Совет примет первые три. Четвёртый пункт ограничим общественными посадками. Пятый — до заключения специалистов. Шестой отклоняем: в городской системе должен оставаться единый держатель.

— Тогда назначьте другого.

— Растение уже назначило вас.

Таис закрыла зелёную папку.

Под столом что-то коснулось её ботинка. Тонкий белый корень вышел из стеклянной ножки, обвил каблук и пополз выше. Члены Совета не видели его за столешницей.

Авторская связь отозвалась знакомым покалыванием. Вместе с ним пришло ощущение огромной системы: тысячи листьев, влажных каналов, натянутых рёбер. Сад не просил. Он проверял, подчинится ли новая подпись прежней цели.

Таис наступила на корень вторым ботинком.

— Я не приму власть, которую нельзя остановить, — сказала она.

Корень затянулся вокруг щиколотки.

— Госпожа Ветра, — начал Орн.

— Четвёртый пункт — все гряды. Пятый действует до

безопасного протокола, а не до удобного заключения. Шестой остаётся. И седьмой: сегодняшний случай фиксируется в открытом городском журнале без слов «редкая реакция» и «благоприятное цветение».

Стекло под ногами зазвенело.

Кален резко посмотрел вниз.

— Не двигайтесь.

Корень уже достиг колена Таис. Сквозь ткань она чувствовала не давление, а чужую готовность принять за неё решение. Нужно было только перестать сопротивляться — и город снова зацветёт, Совет вздохнёт с облегчением, мать окажется права хотя бы посмертно.

Таис наклонилась и коснулась корня ладонью.

— Я принимаю связь, — сказала она.

Орн потянулся к папке.

— На моих условиях. Иначе первое распоряжение держателя — отозвать питание вечницы во всех семи ярусах прямо сейчас.

Она не знала, способна ли выполнить угрозу. Сад тоже не знал.

Этого оказалось достаточно.

Корень ослаб. Семь цветов у окна закрылись.

В тишине советница лечебного яруса взяла протокол и первой поставила подпись под условиями Таис.

— Наш архив откроют немедленно, — сказала она. — Я не стану объяснять семьям, что мы предпочли праздник про-

верке.

Советник в лиловом выругался вполголоса, но придвинул лист к себе. За ним подписали представители водного и нижнего ярусов. Орн остался последним.

— Открытый журнал вызовет панику, — сказал он.

— Ложь вызовет её позже, когда у людей будет больше причин.

— Вы похожи на мать больше, чем думаете.

— Нет. Я оставляю запись.

Орн поставил подпись.

Патент принесли ей на стеклянной подставке. Для принятия требовалась капля крови и произнесённая цель сорта. В старой строке значилось: «непрерывное цветение и укрепление общего укрытия».

Таис проколола палец регистрационной иглой. Капля упала на её имя, и буквы стали зелёными.

— Назовите цель, — велел секретарь.

— Безопасное укрытие города при сохранении человеческого права на собственную память.

— Формула не совпадает с зарегистрированной.

— Теперь совпадает с моей.

Стеклянная подставка помутнела. По ней прошла трещина — тонкая, как волос, — и остановилась у материнской подписи.

Снаружи разом закрылись вечницы центральной площади.

Не погибли. Не сбросили листья. Просто перестали изображать вечное утро.

Кален подхватил чашку с коконом, когда стол качнулся от нового толчка.

— Давление? — спросила Таис.

Он взглянул на иглу.

— Не выросло.

— Уменьшилось?

— Тоже нет.

Первое изменение в саду не ухудшило купол. Этого было мало для победы и достаточно, чтобы разрушить довод Совета о неизбежности прежнего режима.

Секретарь передал Таис три ключа: медный от материнских журналов, чёрный от технического архива и прозрачный от нижней двери центральной оранжереи.

Последний оказался тёплым.

— Корневой архив открывают только два хранителя, — сказал Орн. — Второй ключ у старшей садовницы Моры.

— Почему не у вас?

— Так распорядилась Адель.

Таис убрала ключи в карман.

— Тогда начну с неё.

— Сначала вы обратитесь к городу, — сказал Орн. — Через час жители спросят, почему закрылись цветы.

— Скажите правду: мы выясняем, чем они питались.

— Теперь это ваша правда, госпожа держатель.

— Нет. Теперь это наша проверяемая гипотеза. И именно так она появится в журнале.

На лестнице Кален вернул ей копию предписания и понёс чашку сам. Советские служители расступались перед ними, глядя на кокон с суеверным страхом.

— Вы угрожали остановить все гряды, не зная, можете ли,
— сказал Кален.

— Вы заметили.

— Совет тоже мог заметить.

— Но сад закрыл цветы вовремя.

— Вы на него рассчитывали?

— Нет. Я рассчитывала, что Орн рассчитывает.

Кален хмыкнул.

У выхода они остановились под портретом Адели Ветры. Художник изобразил её среди белого цветения, молодой и уверенной, с раскрытой ладонью над грядой. Таис помнила другую руку — в земле, с обломанными ногтями, всегда занятую исправлением чужих ошибок и никогда не протянутую дочери первой.

В кармане лежал медный ключ к её записям.

— Поздравить вас? — спросил Кален.

— С чем? С наследством, которое ест людей?

— С тем, что вы заставили Совет записать условия.

— Запись ещё придётся заставить работать.

— Это уже больше, чем было вчера.

Он сказал это без утешения, как показание прибора. По-

этому Таис поверила.

На площади жители окружали закрывшиеся цветы. Кто-то сердился, кто-то пытался разжать лепестки пальцами. Маленькая девочка сидела на корточках и объясняла брату, что растения просто устали.

Таис подумала о Риане, которому никто не позволял устать от правильной скорби. О матери, построившей город без увядания. Об Иде, не пришедшей к семейному памятному плющу.

Прозрачный ключ в кармане нагрелся сильнее.

Но прежде чем спуститься к корневому архиву, Таис должна была найти сестру у могилы, где ничего не хотело цвести.

Глава 5. Сестра у могилы

Семейный участок Ветров находился у самой стены шестого яруса, где купольный свет уже терял золотистую мягкость и становился серым. Здесь хоронили не тела — печи Лиора возвращали их минеральным садам, — а вещи, которые семья соглашалась отдать земле. Пуговицу с любимого пальто. Сломанную чашку. Письмо, прочитанное слишком поздно. Над каждой ячейкой росло растение, питавшееся названной памятью и менявшееся вместе с теми, кто приходил помнить.

Над ячейкой Адели Ветры не росло ничего.

Ида сидела на низкой каменной оградке, держа на коленях плоскую корзину с инструментами. Рядом стоял горшок памятного плюща: три тонких побега были подвязаны к медной дуге, корни завёрнуты во влажную ткань. Земля в могильной ячейке оставалась гладкой, как закрытая дверь.

Таис остановилась у входа на участок.

— Ты всё-таки принесла плющ.

Ида не подняла головы.

— Принесла. Не посадила.

На ней был рабочий передник погребальной садовницы, тёмный от земли у коленей. Волосы она собрала материнской костяной шпилькой — единственной вещью Адели, которую взяла после похорон. Таис помнила эту шпильку в строгом

узле на затылке матери и не могла решить, выглядит ли она у Иды как наследство или как трофей.

— Совет закрыл цветы на площади, — сказала Ида. — Люди решили, что это ты.

— Я изменила цель сорта. Цветы закрылись сами.

— Удобное различие.

— Для архитектора — важное.

— А для тех, кто стоит перед пустой грядой?

Таис подошла ближе. В центре гладкой земли лежала овальная пластинка с именем Адели. Ни дат, ни перечисления заслуг. Ида не позволила Совету добавить слова «создательница вечного сада».

— Почему ты не пришла на заседание? — спросила Таис.

— Потому что меня не звали принимать твоё наследство.

— Я спросила о тебе.

— После того как увидела своё имя в документе?

Таис сжала пальцы в кармане. Медный ключ упёрся зубцом в ладонь.

— Условие зарегистрировали шесть лет назад. Я не знала.

— Ты много чего не знала. Это не мешало тебе уехать.

Ветер под куполом приходил от вентиляционных шахт, и здесь, у стены, его движение ощущалось настоящим. Он тронул листья плюща. Они повернулись к Таис одновременно.

Ида накрыла их ладонью.

— Не смей.

— Я ничего не делаю.

— Теперь тебе достаточно стоять рядом.

В её голосе не было испуга. Только усталость человека, который заранее проверил все двери и обнаружил, что ключи отдали другому.

Таис опустилась на противоположный край ограды. Между ними оставалось место для корзины, горшка и всех шести лет, о которых обе умели говорить лишь обвинениями.

— Я не собираюсь заставлять тебя проводить ритуал.

— Хорошо. Потому что не проведу.

— Почему принесла растение?

Ида вытащила из корзины узкую лопатку, протёрла её и положила обратно.

— Хотела проверить, смогу ли назвать хоть что-нибудь безопасное.

— Безопасное для кого?

— Вот именно.

На соседнем участке пожилые супруги подвязывали к тонкому деревцу полоску красной ткани. Женщина произнесла: «Он всегда оставлял мне корочку хлеба, потому что знал, что я люблю поджаренное». Деревце приняло память мягко: на ветке показался новый лист, а женщина улыбнулась сквозь слёзы. Воспоминание не ушло из неё. Оно обрело форму, к которой можно было вернуться.

Так работали памятные сады до вечницы.

Так они должны были работать всегда.

— Мама посадила здесь плющ заранее? — спросила Таис.

— За три дня до смерти. Этот самый. Оставила распоряжение, чтобы я укоренила его после печи.

— Ты говорила, что выбрала его сама.

— Я сказала служителю, что растение выбрано. Он не спрашивал кем.

Ида подняла горшок и повернула. На глине проступала старая селекционная метка Адели: две пересекающиеся жилки.

— Она подготовила собственное поминовение, — продолжила Ида. — Выбрала сорт. Почву. Даже первое воспоминание записала.

— Какое?

— «Утро, когда мои дочери впервые вошли в одну реку».

Таис увидела мелководье за старым восточным шлюзом, куда их вывезли в редкий сухой день. Иде было семь, ей — двенадцать. Младшая боялась воды и цеплялась за руку матери, а Таис шла впереди, сердясь, что её заставляют ждать. Потом Ида поскользнулась, потянула Адель за собой, и все трое сели в реку прямо в одежде. Мать смеялась так громко, что птицы поднялись с камней.

Память пришла целиком: холодная вода в сандалиях, мокрый подол, ладонь Иды, наконец нашедшая её руку. Боль тоже пришла — острая, точная, не похожая на болезнь.

Плющ потянулся к Таис.

Она отодвинулась.

— Она оставила это для нас обеих.

— Нет. Она оставила верный ответ. Как всегда.

— Это настоящее воспоминание.

— Настоящее. И удобное. Если я произнесу его, плющ зацветёт, служитель запишет ритуал завершённым, а все остальные утра можно будет не вспоминать.

— Ритуал не требует прощения.

Ида впервые посмотрела ей в лицо.

— Ты правда не знала?

У Таис похолодела ладонь вокруг ключа.

— Чего?

— Что она делала в похоронных садах.

С вентиляционной решётки сорвалась капля конденсата и упала на гладкую землю. Таис следила, как тёмное пятно медленно расползается к пластинке с именем.

— Говори.

— Не при растении.

Ида завернула побеги влажной тканью, затянула её бечёвкой и отнесла горшок к каменному шкафу для неукоренённых саженцев. Проверила задвижку дважды. Только после этого вернулась.

— Три года назад мать предложила испытать вечницу на людях, которые не могли назвать память, — сказала она. — Не в центральной оранжерее. Здесь. На свежих захоронениях.

— Испытания на памятных участках должны быть в реестре.

— Они и были. Как «поддержка затруднённого ритуала». Потом записи исчезли из районной книги.

— Сколько случаев?

— Я видела одиннадцать. Думаю, было больше.

Таис заставила себя не задавать все вопросы сразу.

— Что происходило?

— Сначала человек сидел перед землёй и не мог говорить. Мать ставила рядом вечницу. Не просила назвать воспоминание — только положить руку на край чаши и позволить растению помочь. Белый цветок раскрывался. Человек успокаивался. Иногда засыпал прямо здесь.

— Появлялись коконы?

— Я тогда не знала, что искать. Видела прозрачные узлы на корнях. Мать срезала их и уносила.

— Куда?

— Спроси у её журналов.

Ида кивнула на карман Таис, будто видела ключ сквозь ткань.

— Людей осматривали потом?

— Я ходила к троим. Двое сказали, что им легче. Третья женщина не смогла объяснить сыну, почему хранила его детские рисунки. Она знала, что любила его. Но когда брала листы в руки, это знание ни к чему внутри неё не присоединялось.

Слова почти совпадали с тем, что говорил Риан: перечень без дороги.

— Ты сообщила матери?

— В тот же день.

— И?

— Она сказала, что острая боль часто уходит раньше, чем человек привыкает к тишине. Велела не путать облегчение с ущербом.

— Это разумное возражение на раннем этапе.

— Поэтому я вернулась через неделю. Женщина выбросила рисунки. Сказала, они занимают ящик.

Таис закрыла глаза.

В архитектурском деле существовало искушение считать каждую катастрофу ошибкой расчёта. Найти неверную пропорцию, заменить материал, усилить опору — и мир снова становился задачей, которую можно решить. Но Адель получила наблюдение. Потом повторное наблюдение. Потом убрала записи из районной книги.

Это уже не было слепым местом конструкции.

Это было решением.

— Почему ты не написала мне? — спросила Таис.

Ида тихо рассмеялась.

— Я написала.

— Нет.

— Дважды. Первое письмо вернулось из Кайры. Второе приняла твоя мастерская.

— Я его не получала.

— Конечно.

— Ида, я бы ответила.

— Ты отвечала. Короткими открытками к началу сезона. «Работы много, проект сложный, расскажу при встрече». Потом прислала чертёж водного сада на её юбилей.

— Мастерская сортировала письма. Если на конверте не было пометки личное...

— Мне следовало правильно оформить просьбу о помощи к сестре?

— Нет.

Ответ вырвался прежде, чем Таис успела защититься. Ида замолчала, словно приготовленный спор потерял ступеньку.

— Нет, — повторила Таис. — Тебе не следовало угадывать правила моей мастерской. Я должна была оставить способ добраться до меня.

Признание ничего не исправило. Не вернуло письма и не сделало Таис участницей тех дней. Но Ида хотя бы перестала перебирать инструменты.

— Мать знала, что я писала тебе, — сказала она.

— Откуда?

— Я сказала ей. Она ответила, что ты строишь защиту для трёх посёлков и не должна бросать работу из-за семейной ссоры.

— Это была не ссора.

— Для неё всё становилось ссорой, если могло помешать саду.

Таис вынула медный ключ. На его головке была выгравиро-

рована дата — шесть лет назад, тот же год, когда Адель зарегистрировала переход авторской связи.

— Она заранее назначила меня держателем.

— Знаю.

— Ты знала?

— Нашла копию после её смерти. Поэтому не пришла встречать тебя у шлюза. Боялась, что, как только увижу, попрошу спасти нас всех. А ты согласишься.

— Я приняла полномочия.

— Вот видишь.

— На условиях доступа и остановки гряд.

— Всё равно приняла.

— Если бы я отказалась, контур остался бы без управления.

— Так она и рассчитывала.

Таис поднялась. Пустая ячейка оказалась между ними.

— Чего ты хотела? Чтобы я ушла и позволила куполу лопнуть?

— Я хотела, чтобы хоть раз ты не превращала её выбор в свою обязанность.

— Под этим стеклом живут люди.

— И среди них всегда найдётся достаточно людей, чтобы ты никогда не выбирала себя.

— Речь не обо мне.

— У тебя всегда речь не о тебе. Это семейный дар.

Таис отвернулась к стене купола. По ту сторону серо-зе-

лёная завеса дождя шла над пустошью. Капли оставляли на стекле мутные дорожки, и живые волокна отводили их к желобам. Пока система держалась. Пока можно было говорить о долге так, будто у него нет лица.

— Сегодня вдовец не смог вспомнить, почему любил жену, — сказала она. — Вечница забрала не факт и не отдельную сцену. Она забрала связь между утратой и его жизнью. Кокон вышел из корня, когда он сумел назвать противоречие.

Ида побледнела.

— Где кокон?

— Изолирован. Кален его охраняет. Возвращать мы не будем, пока не поймём как.

— Кален Рой?

— Инспектор дождя.

— Я знаю, кто он. Мать называла его человеком, который видит только трещины.

— Сегодня это полезное качество.

— И он отдал кокон тебе?

— Нет. Он не отдал его никому. Понёс в хранилище по совместному протоколу.

Ида всмотрелась в неё с новым вниманием.

— Тебя это не разозлило?

— Разозлило бы, если бы он присвоил решение. Он его разделил.

— Невероятно. Шесть лет вдали, и ты научилась отличать

помощь от подчинения.

— А ты научилась говорить со мной только материнскими ножами.

Ида вздрогнула. Таис сразу пожалела о словах, но не забрала их. Слишком часто в семье Ветров сожаление служило тряпкой, которой стирали сказанное прежде, чем успевали понять его правду.

— Да, — тихо ответила Ида. — Наверное, научилась у лучшей.

Она села на корточки перед могильной ячейкой и провела пальцами по влажному пятну.

— В последний вечер мать позвала меня в оранжерею. Ей уже было трудно дышать. Врачи хотели перевести её в лечебный ярус, а она велела принести этот плющ. Сказала, что память о реке даст ему хороший первый рост. Я спросила, какую память должна назвать после неё сама. Не ту, которую она выбрала. Свою.

Таис медленно вернулась к ограде.

— Что она ответила?

— «Ту, в которой останется любовь».

— Это похоже на неё.

— Я сказала, что во многих останется злость. Она устала, отвернулась и попросила не усложнять прощание.

Ида сжала горсть земли, затем разжала пальцы.

— Через три дня она умерла. А я до сих пор не знаю, была ли её тишина обычной жестокостью или вечница уже ела её

собственное горе.

Таис хотела сказать, что это можно установить по журналам. Хотела обещать найти образец, запись, кольцо роста — любую материальную улику, способную отделить болезнь от вины. Слова уже складывались в проект.

Она не произнесла их.

— Ты можешь не знать, — сказала Таис.

Ида подняла голову.

— Что?

— Сегодня. У этой могилы. Ты можешь не решать, кем она была в последний вечер. И можешь не отдавать плющу ни любовь, ни злость.

— Тогда участок останется пустым.

— Пусть.

— Совет пришлёт служителя. По правилам семейная ячейка должна быть укоренена за девять дней.

— Я приостановила памятные ритуалы с вечницей.

— Это не вечница. Обычный плющ.

Таис посмотрела на закрытый шкаф.

— Он отзывается на меня без названной памяти. Вчера такой же плющ сделал это у шлюза. Пока мы не выясним почему, он не обычный.

Ида встала так резко, что земля посыпалась с передника.

— Вчера?

— Когда я пришла на кладбище после похорон. Он потянулся ко мне раньше, чем я что-либо произнесла.

— Почему ты не сказала?

— Не понимала значения.

— А сейчас понимаешь?

— Сейчас у меня есть два случая.

Ида бросилась к шкафу, отдёргнула засов и вынесла горшок. Влажная ткань на побегах потемнела. Под ней листья уже раскрылись, хотя света почти не попадало внутрь.

— Не касайся, — сказала Таис.

— Я растила его три недели. Если бы он извлекал что-то из меня, я бы заметила.

— Риан тоже не заметил.

Ида остановилась.

На нижней стороне одного листа проступила белая жилка. Потом вторая. Они расходились от черешка узором, слишком похожим на сеть вечницы.

Таис достала из корзины чистые щипцы и поддела край дренажной ткани. В глубине горшка что-то блеснуло.

— Нужен фонарь.

Ида зажгла световую нить над верстаком. Они вместе наклонили горшок, не касаясь корней руками. Среди обычных бурых волокон проходил один белый корень толщиной с волос. Он не принадлежал плющу. Корень вошёл через дренажное отверстие, обвил земляной ком и заканчивался прозрачным утолщением под самой поверхностью.

Внутри утолщения темнела капля.

Ида перестала дышать.

— Он стоял в материнской оранжерее, — сказала Таис.

— Вечница могла привить к нему свой корень.

— Три недели он был у меня дома.

— Ты называла при нём воспоминания?

— Нет. Я пыталась выбрать.

— Пыталась вслух?

Ида провела языком по пересохшим губам.

— Иногда.

Прозрачное утолщение дрогнуло. Не ритмично, как кокон Риана, а коротко, будто от испуга.

Ида отшатнулась.

— Вынь это.

Таис не двинулась.

— Я не знаю, что произойдёт, если оборвать корень.

— Это моё.

— Возможно.

— Чьё ещё оно может быть?

— Матери. Твоё. Наше общее воспоминание. Или несколько слоёв. Я не буду резать наугад.

— Ты только что сказала, что память принадлежит человеку.

— Поэтому я не имею права испортить её, доказывая, что могу помочь.

— А оставить эту вещь во мне ты имеешь право?

— Нет.

Ида ждала продолжения. Таис заставила себя выдержать

паузу, не заполнять её приказом.

— Скажи, что ты хочешь сделать сейчас, — сказала она.

— Сжечь горшок.

— При горении содержимое может выйти в воздух.

— Тогда запечатать.

— Это мы умеем. До диагностики.

— И никаких опытов без меня.

— Никаких.

— Даже если Совет назовёт это частью патента.

— Тогда Совет услышит отказ держателя патента.

Ида сняла с пояса прозрачный погребальный колпак. Им накрывали саженцы, когда семья прерывала ритуал и хотела вернуться позже. Таис помогла подвести под горшок медную пластину. Они соединили края садовым воском, оставив внутри и плющ, и чужой белый корень.

Когда последняя щель закрылась, листья перестали тянуться к Таис.

Ида поставила запечатанный горшок на гладкую землю над именем матери.

— Не как памятник, — сказала она.

— Как улику.

— Нет. Как вопрос.

Таис кивнула.

Служитель уже шёл по дорожке к ним, прижимая к груди книгу ритуалов. Увидев пустую ячейку и колпак, он ускорил шаг.

— Госпожи Ветры, срок укоренения истекает сегодня вечером. Если семье требуется помощь, сад может предоставить ведущего памяти.

— Ритуал приостановлен, — сказала Ида.

Служитель раскрыл книгу.

— Для приостановки нужна причина и дата продолжения.

Ида посмотрела на Таис. Всего один её приказ мог избавить сестру от спора. Именно так начиналась власть, которую называли заботой.

Таис промолчала.

— Причина: я не согласна, — сказала Ида.

Перо служителя зависло над строкой.

— Такой причины нет в перечне.

— Впишите в свободное поле.

— Но дата...

— Когда решу.

— Участок не может оставаться незавершённым без срока.

— Может, — сказала Таис. — Временный порядок держателя позволяет останавливать гряды при подозрении на недобровольное питание. Но причиной запишите слова мастера Ветры, а не мой приказ.

Служитель перевёл взгляд с одной сестры на другую. Потом медленно вывел в свободном поле: «Нет согласия семьи на укоренение».

Чернила впитались в бумагу. Ничего не расцвело. Купол

не упал.

— Мне нужна копия записи, — сказала Ида.

— Будет доставлена к вечеру.

Когда служитель ушёл, сестры остались перед пустой землёй. Соседнее памятное деревце шелестело новым листом. За стеклом дождь чертил серые линии.

— Ты всё равно пойдёшь в её архив, — сказала Ида.

— Да.

— Я пойду с тобой.

— Корневой архив открывают ключи Моря и мой.

— Тогда сначала найдём Мору.

— Ты уверена?

— Нет. Но это больше не условие входа.

Ида взяла корзину. Запечатанный плющ они понесли вдвоём, удерживая медную пластину с двух сторон. Весил он немного, но ни одна не предложила другой взять его целиком.

У выхода Таис обернулась.

На гладкой земле у имени Адели показался крошечный зелёный росток.

Он не тянулся к свету. Его остриё было направлено к запечатанному горшку.

Таис присела и, не касаясь, рассмотрела белую кайму на первом листе.

— Здесь ничего не сажали? — спросила она.

— Ничего.

Под землёй раздался слабый треск. От могильной ячейки к стене купола проступила тонкая линия, будто корень чертил дорогу сквозь камень.

Ида крепче взялась за пластину.

— Она добралась сюда раньше нас.

Таис посмотрела на медный ключ, затем на прозрачное утолщение под колпаком.

— Нет, — сказала она. — Она отсюда начинала.

Глава 6. Кольца на стекле

Элин Ко встретила их на грузовой платформе у западной стены и вместо приветствия сказала:

— Вы опоздали на тридцать семь трещин.

За её спиной стеклодувы снимали со стены длинные полупрозрачные пластины. Каждая была тоньше ногтя и повторяла изгиб купола. Рабочие подвешивали их на рамах, как мокрое бельё, и свет проходил сквозь мутные кольца.

— Трещины растут? — спросила Таис.

— Если бы росли, я бы не разговаривала, а выталкивала вас в нижний шлюз. Они появляются внутри старых швов и сразу затягиваются. Стекло помнит удар, которого ещё не было.

Элин обняла Таис одной рукой, не выпуская щипцов из другой. Объятие длилось ровно столько, чтобы не стать соболезнованием.

— Ты выглядишь ужасно, — сказала она.

— Ты тоже.

— Значит, всё почти как раньше.

Потом Элин заметила Иду и запечатанный горшок между сёстрами.

— Это памятный плющ или особо мрачный гостинец?

— Возможный ранний узел вечницы, — ответила Ида. — Не наклоняй.

Улыбка исчезла с лица Элин.

Она расчистила край рабочего стола, приказала принести изолирующую раму и сама проверила восковой шов. Белый корень под колпаком лежал неподвижно, но тёмная капля в прозрачном утолщении собралась ближе к той стороне, где стояла Таис.

— Он следит за тобой? — спросила Элин.

— Отзывается на авторскую связь.

— Ненавижу устройства, которые называют слежение отзывчивостью.

— Ты работаешь с живым стеклом.

— Стекло хотя бы честно трескается.

Ида отпустила медную пластину только после того, как горшок закрепили четырьмя зажимами. На столе осталось немного земли с могильного участка. Элин провела над ней магнитной иглой. Та дрогнула и развернулась не к северу, а к стене.

— Корневое волокно, — сказала она. — Очень тонкое. Где вы это взяли?

Таис рассказала о ростке на пустой ячейке и линии, ушедшей к куполу. Об испытаниях Ида сообщила сама, без прежней резкости, но каждый исчезнувший лист районной книги называла так, словно клала его перед судом.

Элин выслушала, сняла защитные очки и протёрла их краем рукава.

— Три года назад мы меняли здесь нижнюю обвязку, —

сказала она. — Адель настояла, чтобы в смесь добавили волокно из погребальных садов.

— Зачем? — спросила Ида.

— По документам — для лучшего соединения с памятными грядами. Они давали ровное питание ночью. Я спорила. у погребальных растений слишком разный ритм. Адель принесла расчёты, по которым новая примесь гасила перепады.

— Гасила или прятала? — спросила Таис.

Элин надела очки.

— Поэтому вы здесь.

Она провела их по ремонтной галерее. Западная стена поднималась рядом, разделённая живыми рёбрами на высокие сегменты. Снаружи шёл дождь. Вода была почти прозрачной, но там, где капли собирались в струи, проступал охряный налёт минеральной пыли. Защитный слой стекла едва слышно шипел.

На каждом десятом шаге стояла рама со снятой пластиной. Таис различала знакомые кольца давления: светлые полосы шли от наружной поверхности внутрь, отмечая сильные дожди. Между ними лежали тёмные дуги обратного хода — те самые, которые показал Кален.

Элин подвела их к пластине высотой в человеческий рост.

— Это срез над шестым ярусом, прямо напротив могильного участка Ветров. Читайте.

Таис коснулась края, не задевая поверхность. Самое старое внешнее кольцо было широким и неровным.

— Большой осенний ливень, пять лет назад.

— Верно.

— Потом два сухих сезона. Тонкое внутреннее напряжение после замены обвязки. Ещё один ливень.

— А это?

Элин подвела световую линейку к почти невидимой полосе. Таис наклонилась. Под обычными кольцами проходил второй рисунок — частые бледные дуги, похожие на годовые слои дерева. Они начинались не у поверхности, а в середине стекла.

— Следы отращивания, — предположила она.

— Я тоже так думала. Пока не сняла три пластины с разных высот.

Элин наложила поверх первой ещё две. Бледные дуги совпали, хотя пластины происходили из участков, отлитых в разные годы.

— Один импульс прошёл по ним одновременно, — сказала Таис.

— Каждые девять дней в течение двух лет. Потом чаще. За последние тридцать четыре дня — ежедневно.

Ида прижала ладони к переднику.

— Девять дней — срок укоренения памятного растения.

— Я знаю, — ответила Элин. — У меня есть мать, и она уже составила подробные распоряжения на случай, если умрёт раньше своей кошки.

— Ритм шёл от ритуалов? — спросила Таис.

— Не от всех. Я сравнила районные журналы питания. Обычные поминовения дают короткий тёплый след и затухают в ближайшем ребре. Эти дуги холодные. Они обходят шестой ярус кольцом и уходят вверх.

— К центральной оранжерее.

— И к створкам.

Элин повела линейку выше. Бледные дуги складывались в вытянутые линзы. Каждая линза была замкнута между двумя слоями стекла, и внутри неё мерцала мутная взвесь.

— Погодный долг, — сказала она. — То, что купол должен был постепенно выпустить между сезонами, но не выпустил.

— Почему его не видно на обычных измерениях?

— Потому что приборы считают разницу между улицей и залом. Если давление заперто в сердцевине, обе поверхности показывают допустимое значение.

Таис вспомнила погодную иглу Калена. Она вздрагивала между делениями, будто не могла выбрать сторону.

— Стекло стало третьей средой.

— Именно. Не улица и не город. Карман.

— Сколько там?

Элин отвела взгляд к рабочим.

— Мы не умеем измерять объём того, чего по проекту не должно существовать.

— Тогда дай границы.

— Нижняя — один полный сезон дождей. Верхняя — четыре.

Ида резко выдохнула.

Четыре сезона, выпущенные сразу, смыли бы наружные сады, прожгли старые каменные крыши и наполнили нижние улицы водой с минеральной пылью. Купол не спасал город от дождя. Он держал над ним озеро, которому некуда было течь.

— Совет знает? — спросила Таис.

— Орн знает, что я нашла дополнительный слой. Вчера он велел назвать его технологическим запасом прочности до окончания праздника.

— А ты?

— Назвала его в отчёте внутренним погодным долгом и отправила копии семи районным мастерам.

— Поэтому у тебя снята половина стены?

— Поэтому Орн прислал людей проверить, не создаёт ли демонтаж панику. Я дала им щётки.

Таис улыбнулась впервые после могильного участка. Элин всегда считала неповиновение разновидностью правильного распределения работ.

— Мне нужна копия отчёта.

— Уже лежит в твоей мастерской. И у инспектора Роя.

— Вы знакомы?

— Он умеет читать кольца и не объясняет стеклодуву, что такое стекло. Мы почти друзья.

Ида посмотрела на Таис.

— Кажется, в городе есть целое общество людей, которых

мать считала неудобными.

— Вступительный взнос — испорченный праздник, — сказала Элин.

Снизу ударил колокол ремонтной смены. Рабочие на галерее замерли. По стене прошла едва заметная тень, хотя облако снаружи не менялось.

Элин вскинула линейку к пластине.

Внутри первой линзы появилась новая тёмная дуга.

— Сейчас никто не открывал створки, — сказала Таис.

— И дождь не усилился.

— Что изменилось в городе?

Ида посмотрела в сторону погребальных садов.

— Мы запечатали узел.

Тёмная дуга медленно ползла по всем трём наложенным пластинам.

— Если коконы служат перемычками, — сказала Таис, — изоляция одного заставляет сеть перераспределять нагрузку.

— В погодный карман? — спросила Элин.

— Или из него. Пока не знаем направления.

— Тогда узнаем до того, как ваш горшок решит стать дверью.

Она велела рабочим погасить основной свет. Галерея потемнела, остались только зелёные аварийные нити вдоль пола и серое мерцание дождя. Элин установила за пластиной три лампы: тёплую, холодную и корневую, свет которой воспринимали живые волокна.

При тёплом свете проявились наружные погодные кольца. При холодном — старые ремонты и швы. Корневая лампа зажгла бледные дуги изнутри.

Все они сходились в одной точке у нижнего края.

Элин отметила её восковым карандашом.

— На стене это где?

Рабочий сверился с номером пластины.

— Шов шесть-сорок два. За погребальной водосборной.

— Там нет несущего канала, — сказала Ида. — Только сток для омовения корней.

— Теперь есть, — ответила Таис.

Они спустились на два пролёта. Защитный проход у стены был рассчитан на одного, и Ида осталась наверху следить за горшком. Элин шла первой, касаясь перил только через плотную перчатку. Здесь шипение дождя стало громче, в нём различались отдельные щелчки песчинок.

Шов шесть-сорок два выглядел целым. Живое стекло срослось ровной серебристой линией. Под ним в полу была решётка водосборной, забитая белыми сухими лепестками.

Таис присела.

— Вечница здесь не цветёт.

— Значит, лепестки принёс сток, — сказала Элин.

Она подняла один щипцами. Лепесток рассыпался, оставив на металле прозрачную плёнку.

Таис поднесла к решётке авторскую ладонь. Покалывание пришло не из пола. Оно отозвалось в стене — медленным

движением вверх, к линзам погодного долга.

— Корень проходит внутри стекла.

Элин выругалась.

— Волокно в смеси должно быть мёртвым. Оно проводит отклик, но не растёт.

— Примесь из погребального сада была живой.

— Я стерилизовала её сама.

— Чем?

— Сухим жаром и солевым светом.

— Обычное корневое волокно погибло бы.

— А вечница пережила.

Таис вспомнила, как белый корень лежал внутри плюща, тонкий и невинный. Адель могла не знать, что он выдержит обжиг. Но после первых холодных дуг должна была увидеть изменение.

— Когда появился самый ранний внутренний след?

— Через девять дней после замены обвязки.

— Первый цикл укоренения.

Элин присела рядом.

— Ты думаешь, ваша мать смешала извлечённое горе со стеклом намеренно?

— Думаю, она искала место, где система сможет держать то, что забрала у людей.

— Хранилище.

— Сначала, возможно. Потом хранилище стало опорой.

— И теперь опора растёт на давлении, которое сама же не

выпускает.

Из стены донёсся короткий скрип. Серебристый шов выгнулся наружу на толщину волоса и вернулся.

Элин схватила Таис за плечо и потянула назад.

— Не трогай связь.

— Я не управляла ею.

— Стене безразлична разница.

Они поднялись на галерею. Ида стояла у рамы, держа ладонь над колпаком, но не касаясь его.

— Узел бьётся, — сказала она. — Каждые девять счётов.

Тёмная капля под прозрачной оболочкой и правда сокращалась. На девятом ударе внутри пластины возникала тонкая дуга.

— Связь прямая, — сказала Элин.

— Не обязательно, — возразила Таис. — И узел, и стекло могут отвечать третьему источнику.

— Корневому архиву?

— Или центральной сети.

Таис достала прозрачный ключ. На свету внутри него проступили те же бледные линии, что в пластине. Раньше ключ казался просто тёплым; теперь он пульсировал в ритме узла.

— Мора должна это увидеть, — сказала Ида.

— Сначала Кален, — ответила Элин. — Если карман действительно хранит четыре сезона, любое открытие архива может изменить давление.

Таис почувствовала раздражение — быстрое, почти при-

вычное. Ключ принадлежал ей, архив содержал ответы матери, Ида уже согласилась идти. Просить разрешения у инспектора значило снова отдать кому-то дверь.

Но Элин не предлагала разрешение.

Она требовала измерение.

— Вызови его, — сказала Таис.

Элин передала рабочему медную записку с номером шва и тремя словами: «Долг меняет кольца».

— Он поймёт?

— Если нет, зря я его почти уважаю.

Пока посыльный бежал к погодной службе, они составили карту. Элин разложила планы купола по годам. Ида нанесла одиннадцать известных испытаний в погребальных садах. Таис отметила дни, когда внутренние дуги впервые возникали в соответствующих секторах.

Девять совпадений легли точно.

Два случая пришлось на участки, где пластины ещё не сняли.

— Этого достаточно для рабочей гипотезы, — сказала Таис. — Извлечённое горе переносилось по корням в живое стекло. Там оно удерживало часть внешнего давления, не позволяя куполу естественно сбрасывать дождь между сезонами.

— Почему цветы усиливают процесс? — спросила Ида.

— Потому что непрерывный рост требует непрерывной разницы потенциалов. Вечница питается человеком, протал-

кивает извлечённое в стекло и получает взамен защитную работу купола.

— Замкнутый круг.

— Нет, — сказала Элин. — Спираль. Круг возвращается в ту же точку. Здесь каждый оборот оставляет ещё одно кольцо.

Таис провела пальцем над картой, от погребального участка к центральной оранжерее и семи створкам.

— Поэтому остановка цветения не снизила давление. Мы перекрыли вход, но долг остался в стене.

— А изоляция кокона создала новый след, — сказала Ида.

— Значит, коконы не просто отходы извлечения. Они регулируют связь между человеком, корнем и стеклом.

Слово «регулируют» прозвучало слишком безлично. В прозрачном узле могло лежать то утро у реки — не сцена, а способность Иды связать любовь со злостью и обе с собственной жизнью.

— Мы не называем их регуляторами в документах, — добавила Таис. — Только принадлежащими людям фрагментами, функция которых пока неизвестна.

Ида коротко кивнула.

Кален появился через двадцать минут. Он пришёл без плаща, с раскрытой сумкой приборов через плечо и пятном белой пылицы на рукаве. За ним двое служащих несли чашку с коконом Риана в амортизирующей раме.

— Вы вынесли его из хранилища? — спросила Таис.

— Нет. Хранилище начало отращивать корни внутрь замка. Я решил, что из двух плохих мест полезнее то, где есть вы и измерительные лампы.

Он увидел второй узел под колпаком.

— Откуда?

— Из памятного плюща Адели, — сказала Ида. — Возможное содержимое моё. Не вскрывать.

Кален не стал задавать вопрос, почему она не уверена.

— Записать владельца как неопределённого, хранителя

— Иду Ветры, любые действия только при ней?

— Да.

Он продиктовал формулировку служащему и поставил раму Риана на соседний стол. Как только два кокона оказались рядом, оба замерли.

На пластинах перестало расти новое кольцо.

Элин подняла линейку.

— Совпадение длится три счёта.

Прошло девять. Потом восемнадцать.

Стекло оставалось неизменным.

— Они уравнировали участок, — сказал Кален.

— Или узнали друг друга как части сети, — ответила Таис.

— Давление в шве снизилось на две доли.

— Впервые? — спросила Ида.

Элин сверилась с пластиной.

— Впервые с начала измерений.

Надежда возникла слишком легко. Таис почти увидела решение: собрать коконы, расставить их у створок, выпустить долг малыми порциями. Красивая конструкция немедленно предложила себя вместо знания.

Она вспомнила пустую могилу и слова Иды: хоть раз не превращать чужой выбор в свою обязанность.

— Мы не используем их как детали купола, — сказала Таис.

Кален посмотрел на неё, затем на два прозрачных узла.

— Даже если они снижают давление?

Вопрос был профессиональным, не ловушкой. От этого отвечать стало труднее.

— Особенно тогда. Если безопасность города зависит от удержания человеческого горя в нужных местах, мы повторим систему матери под другим названием.

— А если без этого не открыть створки?

— Тогда найдём способ вернуть людям содержимое и сохранить только добровольную связь. Или перестроим купол.

— За сколько дней?

Таис посмотрела на тёмные линзы. Четыре сезона над головами. Неопределённый срок до разрыва. Семь ярусов, привыкших к вечному свету.

— Не знаю.

Кален вынул погодную иглу и положил рядом с прозрачным ключом. Обе пульсировали в одном ритме.

— Тогда начнём с того, что можно узнать сегодня, — ска-

зал он. — Где долг толще всего.

Элин развернула полный план купола.

— Для этого придётся подняться на внешнюю обходную дугу. Внутренние приборы видят только поверхность карманов.

— Сейчас дождь, — сказала Ида.

— Слабый.

— Он оставляет ожоги.

— Поэтому туда не пойдёт человек, который не умеет читать погоду.

Кален взглянул на Таис.

— И человек, чью связь стекло принимает за команду, тоже не пойдёт без страховки и моего сигнала.

В его тоне слышалась граница. Ещё утром Таис приняла бы её за попытку управлять. Теперь перед ними лежало измерение: один невольный отклик выгнул шов.

— Согласна, — сказала она. — Но маршрут выбираем вместе.

— Вместе.

Элин отметила семь точек на внешней дуге. Самая тёмная находилась над центральной оранжереей. Вторая — над погребальными садами. Между ними проходила тонкая белая линия, совпадавшая с путём, который росток прочертил от могилы Адели.

Ида коснулась карты рядом с семейным участком.

— Если мать начинала отсюда, в архиве должен быть пер-

вый кокон.

— Корневой архив ниже центральной оранжереи, — сказала Таис. — А погодный долг над ней. Между ними вертикальный канал.

Кален проследил направление погодной иглой.

— Третья створка.

Та самая, которую вечница запечатала корневым рубцом.

Элин наложила схему ремонтных ходов на карту сада. Вертикальный канал соединял корневой архив со створкой и выходил к узкому техническому балкону снаружи купола.

— Если там есть перемычка, — сказала она, — она держит и архив, и погодный карман. Тронете одно — ответят оба.

Таис убрала прозрачный ключ подальше от приборов. Пульсация ослабла.

— Сегодня архив не открываем.

Ида нахмурилась, но не возразила.

— Сначала карта долга, — продолжила Таис. — Потом найдём Мору и выясним, что именно заперто внизу. Ночью возьмём пробу у третьей створки, когда питание сада минимально.

— Ночью давление от дождя выше, — сказал Кален.

— Зато цветы закрыты. Мы отделаем погодный отклик от корневого.

Он подумал и передвинул две отметки маршрута.

— Начнём не со створки, а с чистого сектора. Получим

контрольный рисунок.

— Согласна.

Ида посмотрела на них обоих.

— Вы всегда спорите так, будто строите лестницу?

— Только когда она нужна, — сказала Таис.

— Иногда она ведёт к люку, который лучше не открывать, — добавил Кален.

Элин вернула свет в галерею. За стеной дождь усилился на одну ступень, и наружные кольца засветились янтарным. Внутренние линзы остались тёмными. Два узла под колпаками лежали рядом, разделённые двойным стеклом и именами владельцев.

На карте купола белая линия между могилой и третьей створкой казалась тонкой.

Таис знала, что тонкие линии чаще всего и держат конструкцию, пока никто не спрашивает, из чего они сделаны.

В пластине над ними возникла новая трещина.

Она прошла строго по границе погодного долга, остановилась у восковой отметки Элин и затянулась, оставив после себя прозрачный шрам.

Кален поднял иглу.

— Это не будущее повреждение, — сказал он. — Стекло пробует путь сброса.

— Или сеть ищет дорогу к коконам, — ответила Таис.

Из рамы Риана донёсся один глухой удар.

Через девять счётов узел Иды ответил.

А далеко наверху, у третьей створки, что-то тяжёлое медленно провело по стеклу изнутри.

Глава 7. Ночная проба

Ночью сад переставал притворяться вечным.

Дневные лампы гасли ярус за ярусом, и цветы закрывались не одновременно: сперва бледные чаши у северных лестниц, потом тёплые гряды вокруг площади, последними — вечницы под центральным куполом. Их лепестки не складывались, а медленно поворачивались ребром к свету, словно делались невидимыми, не исчезая.

Таис наблюдала за ними из ремонтного шлюза. За стеклом наружной двери дождь чертил косые серебристые линии. На полу лежали два защитных плаща, страховочные пояса и короб с инструментами для проб. Элин проверяла застёжки с таким выражением, будто каждая была лично склонна к предательству.

— Чистый сектор — северо-восточная дуга, — сказала она. — Там нет волокна из погребальных садов, нет старых прививок и нет ваших семейных тайн. Если найдёте семейную тайну и там, я увольняюсь из стеклодувов.

— Куда? — спросила Таис.

— В профессию, где материал не хранит воспоминания. Каменотёсом, например.

— Камень хранит давление.

— Тогда буду печь хлеб.

Кален затянул ремень на коробе.

— Закваска тоже живая.

Элин посмотрела на него с осуждением.

— Именно поэтому вас берут наружу, а меня оставляют командовать изнутри.

Ида осталась в нижней лаборатории с обоими коконами. Она согласилась на это после того, как Таис письменно внесла в журнал: ни один узел не покинет раму, не будет вскрыт или использован для регулирования давления. Мора должна была прийти к полуночи. До её появления корневой архив оставался запечатанным.

Кален поднял первый плащ и встряхнул. Плотная серая ткань была прошита стеклянной нитью, по плечам шёл сменный минеральный слой. Он подал плащ Таис, но не стал набрасывать его на неё.

— Я проверю воротник, если позволишь.

Она уже просунула руки в рукава и на мгновение замерла. Простая просьба отозвалась неожиданно сильно. Адель всегда поправляла на дочерях одежду без вопроса — быстро, заботливо, уверенная, что удобство оправдывает вторжение.

— Позволяю.

Кален застегнул внешний клапан у её горла, провёл двумя пальцами вдоль шва и сразу отступил.

— Плотно?

— Да.

— Дышать можешь?

— Пока ты не начал перечислять способы падения с ку-

пола.

— Я собирался перечислить способы не упасть.

— Это короче?

— Значительно.

Он показал три карабина на её поясе. Первый всегда оставался на основной струне. Второй переставляли только после закрепления третьего. Если погодная игла уходила в красное, они не спорили и возвращались в ближайший шлюз. Если стекло отзывалось на авторскую связь, Таис убирала руку и называла вслух место отклика. Если кто-то говорил «стой», останавливались оба.

— Даже если причина кажется глупой? — спросила она.

— Особенно тогда. Умные причины обычно успевают объяснить позже.

Элин открыла внутреннюю дверь. В тесный отсек вошёл запах мокрого металла и горькой соли.

— Связь по медной нити, — сказала она. — Контрольная проба, затем третья створка. На дуге не геройствовать, не целоваться и не ронять мои инструменты. Порядок важен.

— Ты считаешь инструменты последними по важности? — спросила Таис.

— Первыми. Но если поставить их первыми в списке, люди обижаются и хуже держат короб.

Наружная дверь разошлась по вертикальному шву.

Дождь ударил по капюшону сухим шорохом.

Снаружи купол был не крышей, а отдельной землёй. Его

округлая поверхность уходила вниз и вверх одновременно; тонкие дорожки обслуживания пересекали светящиеся рёбра, а далеко под ногами сквозь стекло виднелся ночной Лиор. Семь ярусов лежали чашами вокруг центральной оранжереи. Фонари отмечали улицы, тёмные сады и редкие окна. Отсюда город казался спокойным, потому что расстояние скрывало людей.

За краем защитного навеса дождь оставлял на стекле дымные пятна. Минеральная пыль шипела на сменных пластинах их плащей. Таис пристегнулась к струне и вышла первой площадкой на дугу.

Ветер толкнул её в бок.

Кален не схватил её. Он натянул свою страховочную линию, создавая опору, и сказал:

— Левая нога на поперечное ребро.

Таис нашла выступ подошвой и выровнялась.

— Стою.

— Вижу.

Они двинулись к чистому сектору. Подошвы липли к мокрому стеклу, карабины тихо звякали на перестёжках. Каждые двадцать шагов Кален проверял иглу. Стрелка держалась в жёлтом поле, иногда вздрагивая на порывах.

Северо-восточный участок отличался цветом. Здесь живое стекло было почти бесцветным, без молочной глубины западной стены. Элин включила корневое освещение изнутри, и под ногами проступила редкая сеть золотистых воло-

кон.

— Контрольная точка, — донёсся её голос по медной нити. — Шов два-восемнадцать. Давление наружное, одна целая три десятых. Внутреннее — ноль целых две. Погодного кармана приборы не показывают.

Таис установила вокруг шва три мягких упора. Кален закрепил над ними прозрачный колпак с двумя камерами. В первой находился чистый солевой раствор, во второй — пустая пластина живого стекла. Если из купола выходило корневое вещество, оно должно было окрасить раствор; если только давление — оставить кольцо на пластине.

— Рука, — сказал Кален.

Таис положила ладонь на изолирующую рамку, не касаясь самого шва.

Ничего.

Не было ни покалывания, ни материнского тепла прозрачного ключа, ни чужой сцены, возникавшей за глазами. Только холод от дождя и собственный пульс.

— Отклика нет.

— Начинаю прокол.

Кален повернул тонкую иглу пробника. Та вошла не в стекло, а в старый дыхательный канал между волокнами. Раствор в первой камере дрогнул. На пластине возникло светлое кольцо от края к центру.

— Обычный внешний ход, — сказала Элин. — Корневой примеси нет. Держите девять счётов.

Они держали восемнадцать. Рисунок не изменился.

Кален закрыл канал капель ремонтной смеси и пометил пробу. Таис почувствовала облегчение, почти благодарность к этому обычному шву. В городе ещё оставались места, не затронутые вечницей.

— Контроль чистый, — сказала она.

— Тогда к створке, — ответила Элин. — И помните: если увидите что-то невозможное, сначала опишите, потом удивляйтесь.

Путь к центральной дуге шёл против ветра. Чем ближе они подходили к третьей створке, тем теплее становилось стекло под ногами. Дождь не испарялся, но собирался в выпуклые капли и катился вверх по склону.

Таис остановилась.

— Вода идёт против уклона.

Кален присел, не касаясь поверхности. Погодная игла показывала наружное давление, однако её стрелка была обращена не к земле, а к вершине купола.

— Не вода, — сказал он. — Минеральная взвесь. Её тянет внутреннее поле.

Капли ползли к третьей створке и исчезали под белым рубцом. Изнутри рубец выглядел корнем, запечатавшим щель. Снаружи он напоминал длинный шрам, под которым что-то медленно двигалось.

— Таис, — сказал Кален.

— Вижу.

— Нет. Твой карабин.

Второй карабин лежал у неё в ладони, первый уже был снят со струны. Она переставила крепление машинально, нарушив порядок.

Таис замерла. Ветер потянул за плащ. Между ней и пустотой оставалась только третья застёжка.

Кален не приблизился.

— Верни первый на струну.

Она сделала это. Металл щёлкнул.

— Закреплён.

— Теперь второй.

Ещё один щелчок.

— Закреплён.

Только тогда он подошёл на длину руки.

— Что случилось?

— Створка позвала связь. Не словами. Как будто я уже знала, куда поставить ногу.

— И куда?

Таис посмотрела на узкую полосу между обслуживающими рёбрами. Там не было дорожки, но белые волокна под стеклом складывались в подобие ступеней.

— К рубцу.

— Мы туда не идём.

Раньше категоричность задела бы её. Сейчас Таис увидела собственный незакреплённый карабин и кивнула.

— Не идём. Пробу берём с края площадки.

Они протянули поперечную струну и установили упоры в трёх шагах от рубца. Элин дала новые показания. Наружное давление было почти таким же, как в чистом секторе. Внутреннее прыгало от нуля до предела шкалы.

— Карман то касается поверхности, то уходит в сердцевину, — сказала она. — У вас окно примерно в девять счётов.

— Опять девять, — сказал Кален.

Таис вынула прозрачный ключ из нагрудного кармана. Сквозь ткань он нагрелся так сильно, что оставил красную полосу на коже. Белые линии внутри ключа пульсировали вместе с рубцом.

— Убери его, — сказал Кален.

— Если убрать, мы не поймём фазу.

— Если оставить у сердца, ожог поймём раньше.

Он раскрыл инструментальный короб и подвинул изолированную ячейку. Таис положила ключ туда. Кален закрыл крышку не сам — придержал, пока она защёлкнула оба замка.

Отклик ослаб, но не исчез.

— Я считаю фазы, — сказала Таис. — Ты вводишь иглу.

— Если связь потянет тебя вперёд?

— Говорю «стой». Ты закрываешь канал, даже если проба не набрана.

— А если ты не успеешь сказать?

Она привязала свободный конец пояса к поперечной струне и передала ему фиксатор.

— Тогда удерживаешь страховку. Не меня.

Он понял разницу.

— Согласен.

Таис положила ладонь на рамку. Сквозь перчатку пришло тепло — не её, не Адели. Оно не показывало сцену. Оно требовало закончить движение, начатое кем-то другим.

Раз.

Внутри стекла тёмная линза приблизилась к поверхности.

Два.

По белому рубцу прошла выпуклость.

Три.

Кален ввёл иглу в дыхательный канал.

Четыре.

Раствор стал молочным.

Пять.

На пустой пластине появилось кольцо из центра к краю — обратное контрольному.

Шесть.

Чужое тепло поднялось по руке Таис. Перед глазами возникли мокрые ступени, чьи-то босые ноги и красная лента, привязанная к перилам. Не воспоминание целиком — его край.

— Есть образ. Мокрые ступени, красная лента.

Семь.

Выпуклость под рубцом рванулась к пробнику. Игла задрожала.

Восемь.

— Стой.

Кален повернул запор. Канал не закрылся.

Девять.

Белый рубец раскрылся без треска.

Из щели выскользнула прозрачная нить, обвила иглу и дёрнула Таис вперёд. Страховка натянулась на её поясе. Кален упёрся ногами в ребро и удержал фиксатор, не хватая её за руки. Таис упала на колено у самого края площадки.

Из раскрытого шва показался кокон.

Он был меньше узлов Риана и Иды, вытянутый, с тёмной сердцевинкой. Внутри снова мелькнули мокрые ступени. Красная лента трепетала на перилах, а чья-то ладонь пыталась развязать узел и не успевала.

— Не тяни его! — крикнула Элин в медной нити. — Шов держит карман!

Кален отпустил пробник. Белая нить продолжала тянуть его в щель, но кокон остался снаружи, приклеенный к игле прозрачной плёнкой.

— Давление растёт, — сказал он.

Под ногами глухо ударило. Дождевые капли разлетелись от створки кругами. В глубине купола тёмная линза начала наливаться охряным светом.

Таис чувствовала связь как незавершённый жест. Створка не пыталась отнять кокон. Она пыталась провести его дальше — вниз, к архиву, по вертикальному каналу.

— Он шёл в хранилище, — сказала она. — Мы поймали его на пути.

— Можно вернуть?

За вопросом Калена не было ни приказа, ни надежды сохранить улику любой ценой.

Таис посмотрела на кокон. Если втолкнуть его обратно, сеть снова спрячет чужое горе. Если вырвать, давление могло разорвать шов. Третьего действия конструкция не предлагала.

Но конструкцию создали люди. Она не была законом.

— Не обратно и не наружу. Изолируем здесь, не разрывая нить.

Она достала запасной колпак и прикрепила его к внешнему краю шва. Кален понял замысел без объяснений: пропустил белую нить через мягкий клапан, затем вложил внутрь кокон вместе с пробником. Они запечатали колпак на стекле, оставив содержимое связанным с сетью, но доступным наблюдению.

Охряный свет перестал нарастать.

— Давление держится, — сказала Элин. — Вы только что поставили банку на внешнюю сторону купола?

— Наблюдательную камеру, — ответил Кален.

— Я вижу банку.

— Банку с протоколом, — уточнила Таис.

Элин помолчала.

— Ладно. Не снимайте. Внутренний шов начинает закры-

ваться.

Белый рубец сомкнулся вокруг клапана. Теперь кокон висел под прозрачным колпаком, и дождевая вода обтекала его, не касаясь оболочки. Тёмная сердцевина пульсировала чаще узлов в лаборатории — не раз в девять счётов, а в семь.

Кален проверил страховку Таис взглядом.

— Можешь встать?

— Да.

Он протянул руку ладонью вверх и ждал. Таис приняла её. Кален помог ей подняться, после чего сразу отпустил.

Колено ныло. Перчатка на правой руке почернела там, где связь прошла сквозь защиту. Но главным было другое: чужой образ не уходил. Красная лента, мокрые ступени, ладонь у узла. За сценой не было имени, однако в ней жило направление — вниз и к западу.

— Я всё ещё чувствую владельца, — сказала Таис.

Кален поднял погодную иглу к колпаку. Стрелка указала не на створку, а через купол, в сторону шестого яруса.

— Не владельца. След.

— Чем отличается?

— Владелец может быть где угодно. След привязан к месту события.

Таис посмотрела сквозь мокрое стекло. Под ними темнели улицы шестого яруса. У погребального сада горели дежурные фонари, а дальше к западу спускалась лестница водосборной. На её верхних перилах виднелось крошечное крас-

ное пятно.

— Лента существует, — сказала она.

— Или существовала, когда стекло записало образ.

— Нужно проверить.

— После возвращения внутрь.

— Ты опять отдаёшь приказ?

Кален взглянул на её обожжённую перчатку и на незнакомый кокон, который они едва не вырвали из шва.

— Да. Как ответственный за наружный маршрут. И причина не кажется мне глупой.

Таис прислушалась к раздражению. Оно было, но не требовало немедленно доказать независимость ценой ещё одной ошибки.

— Принимаю. После возвращения.

Они сняли только камеру с раствором и пластиной. Кокон остался на створке под наблюдением Элин. Проба в коробе продолжала меняться: молочная взвесь собиралась в тонкие нити, а обратное кольцо на стеклянной пластине делилось на семь дуг.

На пути к шлюзу ветер усилился. Таис шла медленнее, трижды проверяя карабины. У чистого сектора Кален остановился.

— Стой.

Она замерла.

Он указал на внутреннюю сторону её капюшона. Там, у самого виска, лежал белый лепесток вечницы. Дождь не мог

занести его под застёгнутый клапан.

— Можно снять? — спросил Кален.

— Да.

Он взял лепесток щипцами и опустил в отдельную пробирку. На металле осталась прозрачная плёнка, такая же, как у водосборной решётки.

— Он был на мне до выхода?

— Я проверял воротник. Не было.

Таис вспомнила рывок связи. Возможно, лепесток прошёл сквозь ткань вместе с чужим теплом. Возможно, вечница уже умела переносить не только горе, но и часть себя.

— В журнал как отдельный образец, — сказала она.

— Без предположений о пути переноса.

— Без предположений.

В шлюзе Элин лично смыла с их плащей минеральную пыль, проверила руки и только потом открыла внутреннюю дверь. Ида ждала за стеклянной перегородкой. Рядом с ней стояла невысокая женщина в тёмном садовом переднике — Мора. Волосы у неё были перевязаны серой нитью, на запястьях темнели старые следы корневых ожогов.

При виде молочной пробы Мора закрыла глаза.

— Где вы это взяли?

— У третьей створки, — ответила Таис. — Из шва вышел кокон. Мы оставили его связанным с сетью.

— Как он выглядит?

Таис описала форму, пульс в семь счётов и образ мокрых

ступеней с красной лентой.

Мора опустилась на стул.

— Я знаю эту лестницу.

Ида подошла ближе.

— Чья память?

— Не знаю. Адель не записывала имена в корневой книге.

Только место извлечения и путь укладки.

— Укладки, — повторила Таис. — Значит, она помещала коконы в стекло намеренно.

Мора провела большим пальцем по старому ожогу.

— Сначала — в архив. Когда я поняла, что ячейки пустеют, она сказала, что нашла более безопасное хранилище. Я не знала, что это купол.

— Но знала, что содержимое забрали у людей, — сказала Ида.

— Знала.

Слово не защищалось и не просило прощения.

Из рамы Риана донёсся глухой удар. Узел Иды ответил через девять счётов. Далеко над ними новый кокон бился в семь.

Три ритма прошли по лабораторному стеклу и встретились в прозрачном ключе Таис. Внутри ключа на мгновение сложилась карта: множество тонких линий, ведущих от семи ярусов к корневому архиву. Некоторые обрывались в стенах. Другие заканчивались маленькими тёмными семенами.

Таис успела сосчитать двенадцать.

Потом рисунок исчез.

— В архиве не тысячи коконов, — сказала она. — Там каталог путей. Сами фрагменты разложены по куполу.

Мора подняла на неё усталый взгляд.

— Теперь — да. Но начиналось всё с одного шкафа.

— Открой его.

— Нельзя просто повернуть два ключа. Архив спрашивает имя утраты. Если назвать неверное, он отдаст ближайшее совпадение.

Таис вспомнила чужую ладонь на красной ленте. Система, которая не хранила имён, могла вернуть человеку не его горе, а похожее. От одной мысли стало холоднее, чем на куполе.

— Тогда до открытия составим каталог, — сказала она. — Не материнский. Наш: имена владельцев, если они согласятся говорить, места, даты, ритмы, свидетели. Ни одного возврата по сходству.

Ида медленно кивнула.

— Начнём с лестницы.

Кален поставил короб с пробами на стол.

— И с владельца красной ленты, если он жив и хочет быть найденным.

Таис посмотрела на него. Снаружи он удержал страховку, когда мог удерживать её саму; здесь добавил условие, которое она в спешке пропустила.

— Если хочет, — повторила она.

Между ними не произошло ничего, что можно было бы назвать обещанием. Только согласованное действие, сохранённая граница и рука, однажды протянутая ладонью вверх.

Но когда Кален снял мокрый плащ, Таис заметила, что его левая перчатка порвана страховочной струной, а кожа под ней содрана. Он не сказал об этом на куполе, чтобы не превратить помощь в долг.

— Сядь, — сказала она.

Он насторожился.

— Это приказ архитектора?

— Просьба человека с аптечкой. Позволишь обработать ладонь?

Кален посмотрел на рану, потом на неё.

— Позволю.

Пока Таис промывала ссадину, Элин диктовала показания, Ида переписывала условия доступа к узлам, а Мора по памяти рисовала старый шкаф корневого архива. Ночной сад за стеклом стоял почти тёмный. Только под третьей створкой горел один охряный огонёк — кокон с чужим воспоминанием, пойманный между хранилищем и возвращением.

На западе красная лента трепетала над мокрой лестницей.

И кто-то внизу, невидимый с высоты, семь раз пытался развязать на ней узел.

Глава 8. Каталог утрат

Красная лента оказалась не знаком траура.

Она отмечала сломанный поручень на лестнице водосборной, и завязал её ремонтный мастер три года назад, чтобы прохожие не опирались на треснувший металл. С тех пор поручень заменили дважды, но ленту переносили на новый: жители шестого яруса привыкли считать её предупреждением.

На рассвете ткань была мокрой и выцветшей до бурого. Под узлом белели семь тонких царапин.

Таис стояла внизу лестницы, держа руки в карманах. После ночного выхода правую ладонь покалывало при каждом движении корней под мостовой. Кален присел у перил и провёл погодной иглой вдоль царапин.

— Их оставили изнутри металла, — сказал он.

— У металла нет внутренней стороны.

— Теперь есть.

Ида, пришедшая с районной книгой, не оценила шутки.

— Здесь погиб человек?

— По официальным записям — нет, — ответила она сама.

— За пять лет два падения, оба без смертельного исхода. Один перелом. Одна рассечённая ладонь.

Таис посмотрела на последнюю строку.

— Кто?

— Невра Ласс. Смотрительница водосборной. Ей было пятьдесят два.

— Было?

— Умерла прошлой зимой у себя дома. Районный врач указал истощение лёгких.

Кален поднялся.

— У неё остались близкие?

— Дочь. Живёт здесь же.

— Мы не идём к ней с коконом, — сказала Таис. — Сначала выясним, участвовала ли Невра в опыте и о какой утрате могла говорить.

Ида раскрыла книгу на развороте с вырезанными листами. Между страницами лежала тонкая калька, и на ней проступали вдавленные следы прежних записей. Ночью она положила под книгу мягкий уголь и сняла отпечаток строк, написанных на исчезнувшем листе.

— Девятый опыт, — сказала она. — «Поддержка затруднённого ритуала. Н. Л. Водосборная лестница. Красная отметка». Дальше ничего.

— Имя утраты?

— Вырезано вместе с листом.

Таис коснулась нижней ступени носком. В памяти кокона босые ноги спускались сверху. Человек не падал — он торопился к тому, кто стоял у красной ленты. Горе могло быть связано не со смертью на этом месте, а с разговором, которого здесь не случилось.

— Нам нужен не список умерших, — сказала она. — Нам нужен список связей.

— Такой список нельзя составить по городским книгам, — ответила Ида.

— И хорошо. Значит, город не хранит всё о людях.

У верхней площадки появилась женщина в жёлтом рабочем жилете. Она несла связку фильтров и остановилась, увидев троих у поручня.

— Если снова менять ленту, оставьте эту, — сказала она. — Мать завязывала.

Ида закрыла книгу.

— Вы дочь Невры Ласс?

Женщина стиснула фильтры.

— А кто спрашивает?

Таис назвала себя и показала открытый знак расследования, выданный Советом. Знак давал право осматривать городской сад, но не право на чужую историю.

— Мы нашли связь между этой лестницей и неисправностью купола, — сказала она. — В старой книге есть инициалы вашей матери. Вы можете ничего не рассказывать. Тогда мы отметим место и продолжим техническую проверку без имени.

— Неисправностью чего именно?

— Системы, которая могла забрать часть переживания во время памятного ритуала.

Женщина долго смотрела на ленту.

— Мать после того случая перестала плакать, — сказала она. — Все решили, что ей стало легче.

— А вы?

— Я решила, что она меня простила.

Таис не задала следующий вопрос. Молчание принадлежало женщине так же, как возможный кокон принадлежал Невре.

— Меня зовут Сава, — сказала та наконец. — Мы поссо-
рились здесь. Я хотела уйти из водосборной школы и под-
няться на третий ярус. Мать сказала, что после смерти отца
я единственная, ради кого она держится. Я ответила, что не
просила держаться ради меня. Потом она порезала ладонь
о поручень, а через неделю пошла в сад Адели. Вернулась
спокойная. Слишком спокойная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.